

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

ПОРОГ СИНЕНА

Пять ключей Корселуна

Книга 5

БОЕВОЕ КОСМОФЭНТЕЗИ

Виктор Алеветдинов

Книга 5. Пять ключей

Корселуна. Порог Синена

<https://litres.ru/74019143>

SelfPub; 2026

Аннотация

Порог Синена открыт, но вместо спасения он задает самый опасный вопрос: кто станет владельцем Корселуна?

Ария Целестина ведет Коалицию Пяти к последнему рубежу, где имя, голос, шифр и клятва должны сложиться в ответ. Впереди — звездные бои, гибнущие маршруты, древние протоколы и флот, который может расколоться в любой миг. За спиной Арии фракции готовят свои планы: Люмира хочет контроля, Ардин держит крайний план, Вейран ищет выгоду, Орден скрывает цену, а Дом Синен вынужден признать собственную вину.

Чтобы открыть Порог и не превратить спасение в новую тюрьму, Арии придется отказаться от власти там, где сама система требует владельца. Но какую цену возьмет Порог за мир без трона?

Финальная битва за свободу, память и право миров говорить своими голосами — в мире Корселуна.

Содержание

Часть I. Поход к Порогу	4
Глава 1. Кольцо закрывается	4
Глава 2. Приказ без подписи	18
Глава 3. Голос для миров	31
Глава 4. Миры без трона	44
Глава 5. Тихий ток	57
Глава 6. Последний маршрут Омбриса	71
Глава 7. Серый сигнал	86
Глава 8. Узел, который помнит всех	101
Часть II. Теон и ошибка рода	113
Глава 9. Запороговая запись	113
Глава 10. Дом не равен трону	127
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Виктор Алеветдинов

Книга 5. Пять ключей

Корселуна. Порог Синена

Часть I. Поход к Порогу

Глава 1. Кольцо закрывается

Флагман «Нивендра» вошёл в кольцепуть на пониженной тяге, и Ария поняла, что расчёт врёт. На карте маршрут выглядел устойчивым. Гиперкольцо должно было держаться ещё двадцать семь минут. В рубке всё выглядело иначе. Пол дрожал под ногами, щитовые панели мигали с задержкой, а с потолка сыпалась пыль из сервисных швов.

Ария стояла у центрального стола и смотрела на схему конвоя. Люмирские крейсера держали переднюю дугу, ардинские пепельные проводники шли ближе к краю маршрута, орденские навигаторы молчали на нижнем слое потока. Вейранские ремонтные модули висели сбоку аккуратно, словно считали будущие счета. Синенские свидетели держались у флагмана. Их старые корабли выглядели спокойнее всех, и это раздражало больше аварийных сигналов.

— Просадка внешнего щита четыре процента, — сказал старший оператор. — Уже шесть.

— Скорость хвоста?

— Транспорт «Ларн» отстаёт на девять секунд. Гравиядро нестабильно.

В хвосте конвоя мигнула маленькая точка. «Ларн» был гражданским транспортом, набитым беженцами с двух краевых систем. В отчётах их называли эвакуационным ресурсом. Ария видела иначе: люди в тесных коридорах, врачи у кислородных стоек, дети, которым выдали аварийные маяки вместо игрушек.

— Передать «Ларну»: перейти на наш маяк.

Оператор обернулся.

— Они уже на нашем маяке.

Ария сжала край стола. Значит, маяк не держал их. Или кольцо закрывалось быстрее, чем показывали приборы.

В общий канал ворвался голос люмирского командира.

— Флагман, требуется ускорение передней дуги. При текущей скорости мы потеряем окно.

Вмешался ардинский проводник. Связь у него хрипела, но злость проходила чисто.

— Ускоритесь, и хвост размажет по кольцу. Хороший люмирский способ спасения: выйти первыми и написать сожаление.

— Канал держать чистым, — сказала Ария.

Канал стих не сразу. Два голоса попытались войти поверх

друг друга, затем Дариус ввёл приоритет флагмана. В рубке стало тише, но тишина была плохая: в ней слышались щелчки реле и тяжёлое дыхание людей.

Лира стояла у боковой консоли рядом с навигатором Ордена Белой Зари. Оба смотрели не на карту, а на пустой участок экрана, где приборы ничего не показывали. Ария знала этот взгляд. Так смотрели люди, которые чувствовали беду, но ещё не могли доказать её цифрами.

— Лира?

— Расчёт запаздывает, — ответила та. — Кольцо схлопывается не по внешней дуге. Оно закрывается изнутри.

— Такое бывает?

Лира посмотрела на навигатора.

— После нормального ремонта — нет.

Вейранский представитель появился в локальном канале и отказался открыть данные по последнему импульсу. Рен, подключённый с ардинского корабля, усмехнулся.

— Вейран бы продал даже тишину.

— Сейчас купим, если нужно, — ответил Дариус. — Потом выставим счёт за наглость.

В рубке кто-то коротко рассмеялся. Смех тут же сбил новый рывок. Схема конвоя дёрнулась, отметка «Ларна» ушла с маячной линии и загорелась красным.

— Потеря стабилизации! — сорвалось у оператора. — Их уводит к правой стенке кольца.

— Буксирные лучи.

— Дистанция слишком большая.

— Сократить.

Люмирский командир вышел в канал.

— Флагман не должен разворачиваться. Вы несёте главный артексировый резерв.

— Если бросим транспорт, окраины это запомнят, — сказал Рен.

— Если потеряем флагман, поход закончится здесь, — ответил люмирец.

— Зато протокол будет чистый.

Ария подняла руку, хотя видели её не все.

— Хватит. Дариус, передняя дуга держит ход без нас?

— Шесть минут. После этого кольцо начнёт рвать строй.

— Лира, можем дать «Ларну» часть резерва?

Лира ответила не сразу. Пальцы у неё лежали на краю консоли крепко.

— Можем. Но резерв нужен для Порога. Если отдадим много, система потом может не признать полный доступ.

Навигатор Ордена повернулся к Арии.

— Надо идти по тихому току. Стандартный манёвр сломаёт хвост.

— Тихий ток не подтверждён приборами, — возразил люмирский офицер.

— Приборы сейчас догоняют то, что уже случилось, — сказала Лира.

Ария смотрела на красную точку «Ларна». Если транс-

порт сорвётся, он потянет за собой ещё два малых корабля. Если флагман развернётся, часть флота решит, что Ария рискует всеми ради одного судна. Каждый услышит в её приказе своё: Люмира — нарушение процедуры, Ардин — проверку на совесть, Вейран — дыру в расчёте, Орден — цену, которую потом придётся назвать.

Под кожей у неё поднялся жар. Артексилловый резерв флагмана отвечал на её напряжение быстрее автоматики.

— Дариус, передняя дуга идёт дальше. Без рывка. Сайре передать: если люмирские крейсера ускорятся без приказа, я сниму их с общего маяка.

— Она будет рада.

— Передай мягче.

— Попробую соврать красиво.

Ария улыбнулась, но новый рывок кольца стер это движение. На внешнем обзоре светящийся коридор сжался. Внутри него появились тёмные провалы.

— Рулевой, разворот флагмана на семь градусов к хвосту. Буксирные лучи приготовить. Лира, открыть резерв на три доли.

— Трёх не хватит.

— Сколько хватит?

— Пять. И это уже больно.

— Пять долей, — сказала Ария. — Навигатор, ведите по тихому току. Рулевой, вход на мою команду.

Люмирский офицер рядом с ней побледнел.

— Это риск для флагмана. Для ключей. Для вас.

Ария повернулась к нему.

— На «Ларне» люди. Не говорите так, будто они меньше ключей.

Офицер опустил глаза. Ария не стала задерживаться на этом. Победы в канале ничего не значили, пока транспорт шёл к стенке кольца.

Флагман пошёл к хвосту конвоя. Компенсаторы не успели сгладить манёвр, и рубку качнуло. На экране гиперкольцо не было ровным путём. Его края темнели, внутри света мелькали чужие следы: старые маршруты, давно исчезнувшие корабли, обрывки голосов, которые Голоссеть не смогла похоронить.

— Буксирный захват через десять секунд, — сказал оператор.

— Через девять, — поправила Лира. — Потом «Ларн» повернёт боком.

— Захватить сейчас.

— Луч не дойдёт.

Ария положила вторую ладонь на стол. Синенский знак под кожей отозвался жаром. Она не любила этот отклик. В нём было много старого права, а ей нужно было только удерживать людей.

— Подать резерв через мой контур.

Лира резко обернулась.

— Это прямой откат.

— Открывай.

На миг аварийные звуки отступили. Ария почувствовала, как флагман взял из неё не силу, а внимание. Голоссеть дрогнула рядом, у самой памяти. Внутри возник запах мокрой земли Салатраковых Полей, потом тяжесть клятвы, которую Сабаинар успел превратить в ключ. Его голос не прозвучал вслух, но Ария поняла фразу.

Порог слышит цену.

Она вдохнула. Боль ушла глубже, туда, где память отзывалась на Артексил. На мгновение из памяти выпал цвет одного зала Нивендры. Малость. Ненужная деталь. Но Ария почувствовала злость. Корселун всегда брал плату такими вещами, из которых потом складывалась жизнь.

— Захват есть! — сорвалось у оператора. — «Ларн» на луче.

— Тянуть к нам. Не к линии, к нам.

— Флагман уйдёт с маршрута.

— Пусть уйдёт на полкорпуса.

Дариус вошёл в канал.

— Передняя дуга ругается. Сайра сказала, что ты ведёшь флот как ардинский контрабандист.

— Передайте адмиралу, — сказал Рен, — что ардинский контрабандист вывел бы всех дешевле и без трёх печатей.

— Рен, — предупредила Ария.

— Молчу. Почти.

Короткий смешок прошёл по рубке. Он продержался

меньше секунды, но Арии хватило и этого. Живые люди могли смеяться даже тогда, когда кольцо закрывалось.

«Ларн» медленно пошёл к флагману. Буксирные лучи держали его плохо: старая обшивка местами не принимала поле. На внешнем обзоре транспорт показался близко, с разорванным грузовым отсеком и полосами аварийного света. У одного иллюминатора стоял мальчик и держал ручной маяк обеими руками.

— Щиты пятьдесят восемь, — доложил офицер.

— Держать.

— Пятьдесят два.

— Держать.

— Артексилловый резерв падает.

— Держать.

Гиперкольцо сжалось ещё сильнее. Свет шёл не коридором, а узкой раной вокруг флота. Передняя дуга входила в выходной разрыв. Ардинские проводники прошли ниже, касаясь тёмной стенки, а «Ларн» рывком вошёл в зону флагмана.

— Всем кораблям приготовиться к выходу, — сказала Ария в общий канал. — Передняя дуга не ускоряется. Хвост держится по маяку флагмана. Вейранские модули — на внешние повреждения, без доступа к резерву. Ардинские проводники — прикрыть «Ларн» после выхода. Люмира — держать строй, а не честь протокола.

— Формулировка спорная, — заметил Дариус.

— Зато понятная.

Кольцо врезалось в щиты. В рубке погасла часть света, потом вспыхнули красные полосы аварийного режима. Голосеть открылась без запроса. Чужие голоса вошли через все каналы сразу. Они не кричали, но от них стало трудно дышать.

Оператор сжал гарнитуру.

— Маяк горит, я вижу... — прошептал он чужими словами и сам испугался.

Ардинский проводник в канале начал называть имена. Люмирский офицер закрыл глаза и повторил номер какого-то приказа. Каждый слышал своё.

Ария услышала одно слово.

Владелец.

Слово легло на неё не как титул, а как требование подписи. На миг рубка исчезла. Перед Арией возникло чёрное поле. На нём мерцали четыре следа: имя, голос, шифр, клятва. Пятый след оставался пустым.

— Ария! — голос Дариуса прорвался через шум. — Ты с нами?

Она заставила себя посмотреть на схему. «Ларн» был рядом.

— С вами. Лира, закрыть Голоссеть на внутренний контур. Оставить маячную привязку.

— Если закрою грубо, получим откат.

— Закрывай аккуратно, но быстро.

— Люблю военных, — пробормотала Лира. — У них «аккуратно» и «быстро» всегда живут в одном отсеке.

Молодой оператор фыркнул. Ария услышала это и не стала прятать облегчение. Пока люди так реагировали, Порог ещё не говорил за них.

— «Ларн» на подходе! — доложил рулевой. — Пять корпусов. Три. Один.

Флагман и транспорт прошли выходной разрыв вместе. Мир вокруг стал белым, затем чёрным, потом вернулся резким толчком. Ария ударилась плечом о край стола, но устояла. С потолка посыпались искры, их поймала аварийная пена.

После выхода наступила флотская немота. Несколько секунд никто не говорил. Корабли проверяли, живы ли они, есть ли связь, не остался ли кто-нибудь в закрывшемся кольце.

Первым отозвался Дариус.

— Передняя дуга вышла. Один крейсер потерял внешний щит, но держится.

Затем Рен.

— Хвост вышел. «Ларн» жив. Проводники матерятся, значит, тоже живы.

Вейранский представитель появился с помехами. Его связь наконец перестала быть безупречной.

— Два ремонтных модуля повреждены. Консорциум фиксирует нарушение согласованного маршрута.

Лира опустила на край консоли и устало сказала, что вейранскую жалобу можно выбить на плите и поставить в коридоре как памятник.

Ария посмотрела на карту. Отметки кораблей появлялись одна за другой. Не все. Один малый транспорт не отвечал. Орденский корабль «Белая мера» вышел с потерей навигационного отсека. Синенский корвет дрейфовал без связи, но его ядро ещё горело.

— Медицинские группы к шлюзам, — сказала Ария. — «Ларн» принять под защиту флагмана. Все записи перехода сохранить без правки.

— Даже внутренние каналы? — спросил люмирский офицер.

— Особенно внутренние.

Общий канал ожил. Люмирский командир обвинил ардинцев в ложном сдвиге маяка, Вейран начал говорить о рисках, Орден — о нарушенном потоке. Ария дала им три секунды и ударила ладонью по столу.

— Тишина.

Флагманский приоритет погасил каналы.

Ария посмотрела на людей в рубке. Уставшие лица, злые взгляды, чужая вина в каждом углу. Они прошли через кольцо, которое должно было держаться ещё двадцать семь минут. Теперь каждый искал виновного, потому что так было легче, чем признать главное: старые маршруты умирали, и никто не знал, сколько времени осталось.

— Мы вышли, — сказала она. — Не целыми. Поэтому сейчас не спорим, чей страх был умнее. Сначала раненые, потом ремонт, потом разбор.

В груди стало тяжело. Ария только теперь поняла, сколько резерва прошло через её контур. Ладонь дрожала. Она убрала её за спину, но Лира заметила.

— Медик нужен не только «Ларну».

— Потом.

— Ты всегда говоришь «потом», когда надо сказать «сейчас».

— Это помогает людям думать, что у меня есть план.

Лира усмехнулась, но тревога в глазах осталась.

Дариус вошёл в рубку через боковой люк. На рукаве у него темнел след ожога от панели. Он остановился рядом с Арией так, чтобы вся рубка видела: он не закрывает её собой.

— «Ларн» пристыкован к внешнему шлюзу, — сказал он.

— Раненых переводят. Мальчик с ручным маяком спросил, можно ли оставить маяк себе. Медик разрешил, если он перестанет командовать взрослыми.

— Он командовал? — спросила Ария.

— Лучше половины капитанов.

— Тогда пусть оставит.

Дариус кивнул и понизил голос.

— Ты отдала пять долей резерва.

— Знаю.

— Порог может потребовать их позже.

— Люди на «Ларне» потребовали раньше.

Он не возразил. За это Ария была ему благодарна больше, чем могла показать.

На центральной карте восстановилась дальняя зона. После выхода из кольца флот должен был увидеть обычную сетку с маяками и координатами следующего перехода. Вместо этого на чёрном поле появилась пустая область. Она не была похожа на дыру или помеху. Скорее на место, которое карта не называла.

— Внешний отклик, — сказал оператор. — Источник не определяется.

— Вейран? — спросил Дариус.

— Нет. Подписи нет.

Лира подошла ближе.

— Покажите слой Голоссети.

Оператор вывел второй контур. Пустая область не изменилась. Потом он добавил артексировый слой. Вокруг чёрного поля вспыхнули четыре слабых знака. Ария узнала их не глазами. Имя. Голос. Шифр. Клятва.

Пятый знак не появился.

— Это координата? — спросил Дариус.

Лира долго смотрела на карту.

— Нет. Координаты так себя не ведут.

— Тогда что это?

Ответил навигатор Ордена. Он стоял у консоли прямо, хотя после перехода едва держался на ногах.

— Вопрос.

Ария почувствовала, как по рубке прошёл холод. Каждый услышал в этом слове свой вариант будущего.

— Расшифровать, — сказала она.

— Уже идёт, — ответил оператор.

Буквы проступали медленно. Карта будто подбирала форму, которую смогли бы прочесть все в рубке. Сначала появилась рваная строка, потом она погасла и возникла снова, яснее.

НАЗОВИ ВЛАДЕЛЬЦА.

Никто не заговорил. Ария смотрела на строку и чувствовала, как спасённый транспорт, потерянный резерв, спор фракций и голос Сабаинара сходятся в одну точку. Клятва Артексила не сделала их друзьями. Она только связала людей, которые всё ещё держали руки рядом с оружием.

Чёрное поле на карте расширилось и остановилось, будто ждало ответа.

Назови владельца.

Глава 2. Приказ без подписи

Дариус задержался у внешнего шлюза после аварийного прохода. Флот шумел даже в режиме флотской немоты: техники тащили кабели, медики принимали раненых с «Ларна», офицеры спорили у аварийных панелей. На коридорной карте ещё держалась строка Порога: «Назови владельца».

У переборки сидел мальчик с «Ларна». Он держал ручной маяк на коленях и следил за медиками так серьёзно, будто его уже приняли в штаб.

— Он мешает? — спросил Дариус.

Медик затянул фиксатор на руке раненой женщины.

— Он помогает. Это хуже. Уже два раза объяснил, как правильно крепить шину.

— И правильно?

— Второй раз был близок к истине.

Дариус кивнул мальчику. Тот ответил таким же командирским кивком. На миг стало легче. Потом наручный коммуникатор дрогнул без звука. На экране появился серый прямоугольник с люмирским служебным знаком.

Канал, по которому пришёл пакет, должен был молчать в предпороговой зоне.

Дариус не стал открывать файл в коридоре. Он отдал распоряжение дежурному офицеру, проверил стыковку «Ларна» и пошёл к своему отсеку.

В отсеке свет включился с задержкой. Дариус снял куртку с прожжённым рукавом, бросил её на кресло и открыл пакет.

Файл узнал биометку, звание и кризисный допуск, затем развернулся на стенном экране. Вверху стояла эмблема Люмиры, ниже — строка согласования. Открытой подписи не было. Вместо неё шёл набор закрытых кодов, которые признают законным основанием только после удачного исхода.

Дариус дочитал первый блок и почувствовал, как в нём поднимается злость.

Федеральный мандат предписывал подготовить контур безопасности вокруг Арии Целестины, носителей ключей и всех лиц, связанных с прямым доступом к Порогу Синена. В случае нестабильности Порога, угрозы воздействия через Голоссеть или попытки единоличного решения требовалось изолировать доступ. Слово выглядело почти безобидным, но военный язык не любил невинных слов. Изоляция значила арест, блокировку связи, отключение Арии от общих каналов и перевод свидетелей под люмирскую охрану.

Следующий блок был хуже. Личная воля носителя доступа не признавалась достаточным основанием для решений, затрагивающих безопасность Корселунской дуги. Дальше шёл порядок передачи ключей в федеральный контур сдерживания. В финале предлагалось временное управление через кризисную комиссию, где большинство мест занимали люди, давно боявшиеся Арии больше, чем Порога.

— Смело, — сказал Дариус пустому отсеку. — Приказ без

подписи. Ответственность без лица.

Коммуникатор снова дрогнул. Запрос прямой связи от Сайры Рут.

Дариус принял вызов. Изображение Сайры появилось над столом. За её спиной мигал мостик люмирского крейсера, но сама она выглядела так, словно именно она решала, когда аварийному свету погаснуть.

— Ты получил пакет, — сказала она.

— Даже не спросишь, жив ли я?

— Ты открыл канал. Значит, жив. Лицо у тебя недовольное. Значит, пакет прочитал.

— Ты тоже?

— Похожий. Мне предлагают обеспечить внешнее прикрытие, если ты введёшь контур безопасности.

— Тебе оставили роль свидетеля?

— Мне оставили роль человека, который потом не сможет сказать, что ничего не знал.

Дариус опёрся ладонями о край стола.

— Ты считаешь приказ законным?

— Он написан так, чтобы стать законным после исполнения.

— Это не ответ.

— Это единственный честный ответ.

Он отвернулся к экрану. Люди, составлявшие приказ, не видели мальчика с маяком у шлюза. Они видели носителя доступа, угрозу внушения, общественный риск и древнюю

систему, которая потребовала владельца. В какой-то части их страх был разумным. Именно это злило сильнее всего.

— Если мы сейчас изолируем Арию, — сказал Дариус, — Порог получит лучший аргумент против нас.

— Порог не судья.

— Ты видела строку на карте.

— Видела. Поэтому я звоню тебе, а не отправляю сторожевики к твоему борту.

— Благодарю за щедрость.

— Не ерничай. Если Порог через Арию получит власть над Голоссетью, половина Дуги сама попросит посадить её под охрану. Вторая половина назовёт её императрицей. Оба варианта плохие.

— Знаю.

— Тогда почему ты ведёшь себя так, будто личная верность может заменить протокол?

Он посмотрел на неё.

— Потому что протокол уже заменял людям совесть.

Сайра замолчала. Прошрое стояло между ними без приглашения. Они оба служили Люмире. Оба подписывали приказы, которые потом приходили в чужие дома болью. Сайра считала такую цену частью службы. Дариус с каждым годом всё хуже умел так думать.

— Ты ставишь себя под удар, — сказала она.

— Я уже там.

— Пока ты споришь с приказом. Если спрячешь его, ста-

нешь соучастником.

— Приятно знать, что у меня ещё есть карьерные ступени.

— Я серьёзно.

— Я тоже. В приказе нет публичной подписи. Там коды, которые признают или забудут после исхода. Если мы выживем, его назовут дальновидной мерой. Если сорвёмся, нас назовут преступниками.

Сайра не отвела взгляда.

— Ария сегодня отдала пять долей резерва. Она спасла «Ларн», но ослабила доступ к Порогу. Для штаба это подтверждение риска личного решения.

— Она спасла людей.

— Я не спорю.

— Споришь. Только языком комиссии.

Сайра резко выдохнула.

— У меня на корабле двадцать семь раненых после твоего манёвра. Вейран уже готовит претензию. Ардинцы говорят, что мы бросили бы хвост. А древняя система спрашивает владельца. Ты правда хочешь оставить единственный центр решения у Арии?

Дариус подошёл к узкому окну. За стеклом медленно проходил корпус «Ларна». Техники ставили временные заплатки на разорванную секцию. Старый транспорт выглядел некрасиво и упрямо. Из-за таких кораблей стоило спорить с любым приказом.

— Я не хочу единственный центр решения, — сказал он.

— И Ария не хочет.

— Желание не всегда важно.

— Вот с этой фразы у Люмиры начинаются лучшие ошибки.

Сайра посмотрела уже без злости.

— Ты изменился.

— Все изменились. Просто у меня это хуже скрыто.

— Раньше ты верил, что хороший приказ может удержать плохой мир.

— Раньше я не видел Порог, который требует владельца.

Она опустила взгляд к своим данным.

— Я не поведу сторожевики к твоему борту без открытого приказа, — сказала она. — Но если Ария попытается взять Порог на себя, я не смогу закрыть глаза.

— Я и не прошу.

— Просишь. Просто иначе.

Он устал слишком сильно, чтобы отмахиваться от правды. Ему хотелось сказать Сайре, что он тоже боится за флот, за Голоссеть, за ту пустую строку, которая смотрела на всех как место для трона. Но Сайра не была его исповедником. Она была союзником на время и возможным противником.

— Мне нужна отсрочка, — сказал он.

— До чего?

— До следующего совета. Я проверю юридическую часть. Ты удержишь своих командиров от самодеятельности.

— Мои командиры не дети.

— Тогда скажи им, чтобы перестали играть взрослых без присмотра.

Сайра почти улыбнулась.

— Передам приличнее.

— Зря. Моя версия честнее.

Связь пошла лёгкой рябью. Сайра посмотрела в сторону другого экрана, но не отключилась.

— Дариус. Если всё пойдёт плохо, этот приказ ударит по тебе первым.

— Знаю.

— Тогда реши заранее, кем ты будешь, когда это случится.

Канал погас. В отсеке остался экран с приказом. Дариус перечитал документ уже не как командир, получивший распоряжение, а как человек, который ищет ловушку в каждом спокойном слове.

Он открыл служебную оболочку. Обычно в люмирских документах оставались следы пути: согласование, задержка, передача, правка. Здесь всё было вычищено почти идеально. В тексте не нашлось ни одной фразы, за которую можно было зацепиться официально. Все условия зависели от слов «нестабильность», «угроза», «непроверенный доступ», «общественный риск». Любой суд потом прочёл бы их так, как ему велят победители.

Дариус включил личный архив уставов. Запросил нормы о защите союзного командования, статус Артексировой клятвы после Салатраковых Полей, запрет силового вмешательства.

ства в межфракционный договор. Система выдала варианты и тут же отметила каждый как спорный.

Уничтожить пакет было легко. Один сбой канала после аварийного прохода, ошибка ключа, повреждение буфера. Потом можно будет сказать, что приказ не дошёл. Многие так делали. Именно поэтому такие приказы и писали без подписи.

Но уничтоженный документ переставал быть доказательством. Если Люмира решит забрать Арию, понадобится не слух, а текст. Строки, коды, вся аккуратная трусость, сохранённая в файле.

Дариус перенёс приказ в скрытую ячейку, запечатал её личной меткой и убрал исходный пакет из открытого доступа. Экран потемнел.

В дверь постучали.

Он успел закрыть архив уставов, повернуть экран на сводку повреждений и убрать с края стола браслет допуска. Всё заняло несколько секунд. Для человека, который долго жил рядом с Арией, несколько секунд уже были признанием.

— Войдите.

Ария вошла без охраны. Форма после рубки была испачкана аварийной пеной, знак флага на воротах потускнел. Она выглядела усталой, как человек, которому разрешают быть символом и редко позволяют просто есть.

— Ты занят?

— Был. Теперь изображаю порядок.

— Получается?

— Если смотреть из коридора.

Она прошла к столу и остановилась напротив. Дариус видел, что она заметила повернутый экран. Ария не спросила сразу, и от этого стало тяжелее. Она умела ждать, когда вопрос мог сломать больше, чем ответ.

— «Ларн» перевели в защищённый отсек, — сказала она.

— Семеро тяжёлых. Остальных удержали. Мальчик с маяком требует должность.

— Я бы дал ему младшего координатора. У него уже есть опыт давления на медиков.

— Лира сказала то же самое. Только добавила, что он опасен для бюрократии.

— Значит, перспективный кадр.

Ария улыбнулась, но ненадолго. Её взгляд вернулся к экрану.

— Сайра выходила на связь?

Дариус выдержал паузу чуть дольше, чем нужно.

— Да.

— Из-за манёвра?

— В том числе.

— Она требует разбирательства?

— Сайра всегда требует разбирательства. Даже если стоит в горящем отсеке, сначала выяснит, кто нарушил инструкцию по огню.

— Это похоже на неё.

Ария коснулась края стола. Дариус заметил лёгкую дрожь её пальцев. Пять долей резерва не прошли через неё бесплатно. Она быстро убрала руку, но он уже увидел.

— Ты должен сказать мне, если Люмира готовит что-то за моей спиной.

Он молчал. Этого хватило.

— Значит, готовит.

— Люмира готовит всё всегда. Почти народный праздник.

— Дариус.

Он отошёл к окну. Снаружи техники резали повреждённую обшивку «Ларна». Всё было проще, чем разговор с человеком, ради которого он только что спрятал приказ.

— Есть тревожные настроения, — сказал он. — После строки на карте они будут у всех. У Люмиры, у Ардина, у Ордена. У Вейрана тоже, если за тревогу нельзя выставить счёт.

Ария не улыбнулась.

— Это не ответ.

— Это часть ответа.

— А остальная часть?

Сказать всё сейчас значило бросить приказ на стол, поднять конфликт до того, как флот залатает щиты, и заставить Арию смотреть на Люмиру как на врага. Скрыть всё значило поступить так, как поступают чиновники, когда называют страх стабильностью. Между этими решениями нужно было выбрать такое, после которого останется место для действия.

— Сайра получила указания держать внешний контроль, — сказал он. — Она не будет двигать сторожевики без открытого приказа. Я не позволю скрытому решению стать действием.

Ария смотрела так, словно проверяла, не уходит ли пол из-под ног.

— А ты?

— Я здесь.

— Это тоже не ответ.

— Это самый честный ответ, который я могу дать сейчас.

Фраза прозвучала хуже, чем он хотел. Ария отвела взгляд к схеме повреждений. Она не стала давить, и от этого Дариусу стало ещё тяжелее.

— После Порога все будут пытаться защитить миры от меня, — сказала она. — Или через меня. Я знала это ещё на Омбрисе. Но я не думала, что это начнётся до того, как мы увидим сам Порог.

— Мы уже увидели его вопрос.

— Вопрос ещё не власть.

— Для некоторых достаточно вопроса, чтобы начать строить тюрьму вокруг ответа.

Она медленно кивнула.

— Я не прошу тебя выбирать между мной и Люмирой.

— А зря. Так было бы честнее.

— Нет. Если я начну требовать личной верности вместо решений, Порог уже победил.

— Ты слишком упрямая для будущей диктатуры, — сказал он.

— Слабое утешение.

— Большинство диктаторов начинают с уверенности, что они очень гибкие.

Она всё-таки улыбнулась. За дверью техник что-то уронил и выругался на весь коридор, потом громко сообщил, что это была рабочая проверка пола. Ария рассмеялась коротко, устало, но по-настоящему.

Коммуникатор на её рукаве подал сигнал. Она прочитала сообщение.

— Лира зовёт к карте. Пятый знак снова не читается. Она говорит, что если Порог продолжит изображать загадочного старца, она начнёт отвечать инженерными угрозами.

— Это может сработать. Древние системы не привыкли к Лире.

Ария направилась к двери, но остановилась.

— Когда сможешь сказать остальную часть ответа, скажи. Не береги меня от правды. Меня долго берегли именно так.

Она вышла, не дожидаясь обещания. Дверь закрылась тихо.

Дариус вернул экран к рабочему режиму и снова открыл скрытую ячейку. Приказ был на месте. Он мог отправить его Арии, передать Лейле, предъявить на совете. Каждый вариант был честным только наполовину, а половинная честность в кризисе иногда убивала быстрее лжи.

Он создал две копии. Одну оставил в личном контуре. Вторую спрятал в архиве флагмана под видом повреждённого отчёта о буксирных лучах. Лира нашла бы его быстро, если бы понадобилось. Особенно если бы была зла.

Потом Дариус открыл последнюю строку приказа. Она была вынесена отдельно, без подписи и без имени составителя. В ней не было прямой угрозы, и именно поэтому она звучала хуже угрозы.

«Стабильность выше личной воли носителя».

Дариус выключил экран. В темноте отсека строка всё равно стояла перед глазами: для Люмиры Ария уже была не человеком, а фактором риска.

Глава 3. Голос для миров

Лейла включила эфир не из студии. Студии на флагмане не было, потому что Дариус однажды сказал, что отдельная студия для журналистки на военном корабле звучит как приглашение к беде. Лейла ответила, что беда обычно приходит без приглашения и хуже держит свет. В итоге ей выделили бывший отсек связи, где пахло перегретым пластиком, старым фильтром и чужим недосыпом.

После прохода через кольцо отсек перекошило. Один шкаф заклинило, потолочный свет мигал с таким видом, будто хотел уйти в отставку. На столе стоял переносной передатчик. Его собирали впопыхах; ардинский мальчишка только предупредил не трогать левую клемму. Левую клемму Лейла теперь уважала как старшего офицера.

— Канал держится? — спросила она.

Ассистент Тарр, худой люмирец с лицом вечного обвиняемого, сидел у боковой панели и ловил сигнал через Голосеть.

— Держится на честном слове, плохой изоляции и вашей наглости.

— Значит, крепко.

— Я бы выбрал другое слово.

— Выбирай после эфира. Сейчас у нас запрещённый выход на гражданские узлы.

У дальней стены ардинская связистка Майра проверяла обходной канал. Она стояла, зажав наушник плечом, и смотрела на схему миров Дуги.

— Окраины уже шумят, — сказала она. — После строки Порога половина каналов спрашивает, правда ли Ария стала владелицей Свода.

— Она не стала.

— Я знаю. Они нет.

Лейла пододвинула микрофон. Он пережил Карасс, два обыска и чашку кислого корабельного напитка. Вещь с такой биографией имела право работать в финале.

На экране шёл поток входящих сообщений. Люди писали с гражданских доков, застрявших караванов, больничных станций и кораблей, которые потеряли маршруты. Большие фракции говорили о стабильности, правах, протоколах и вине. Обычные миры спрашивали проще: откроются ли кольца, придут ли лекарства, успеют ли вывести детей, можно ли верить Арии, если сама карта написала «владелец».

Лейла провела пальцем по списку и выключила половину фильтров. Тарр ахнул так, словно она сняла щит с корабля.

— Вы открыли прямые реплики.

— Да.

— Там будет грязь.

— Там живые люди. Они редко говорят как пресс-служба Люмиры.

Майра фыркнула.

— Пресс-служба Люмиры сейчас обиделась бы, если бы умела читать без согласования.

Лейла включила запись. В зелёном индикаторе дрогнула первая полоска.

— Говорит Лейла Тран. Это открытый эфир через обходной канал Голоссети. Да, канал запрещён. Да, несколько комиссий сейчас делают вид, что удивлены. Они переживут. Миры Дуги должны слышать не только приказы.

Тарр поднял большой палец. Майра показала два пальца: сигнал ушёл на два гражданских узла. Потом на третий. Карта зажглась мелкими точками.

— Коалиция Пяти вышла из аварийного кольцепути, — продолжила Лейла. — Есть повреждения. Есть раненые. Транспорт «Ларн» спасён и принят под защиту флагмана. Я не буду говорить, что всё под контролем. Когда это говорят быстро, от вас уже что-то спрятали. Правда проще: Порог задал вопрос, и пока никто не имеет права отвечать на него один.

В поток посыпались новые сообщения. Требовали показать Арию, открыть данные, арестовать Синен, взять помощь Вейрана или хотя бы сказать, будут ли завтра лекарства. Лейла видела ненависть, страх, надежду и усталость. Всё это шло в одну строку, как кровь в узкий шов.

— Порог нельзя отдать трону, — сказала она. — Нельзя отдать комитету, который потом забудет вернуть власть. Нельзя продать по контракту даже тем, кто умеет чинить ши-

ты быстрее всех. Если Корселун должен стать спасением, он не может начинаться с единственного хозяина.

На слове «хозяина» канал дрогнул. Тарр наклонился к панели.

— Посторонняя вставка.

— Глуши.

— Не успеваю. Она идёт поверх нас.

Экран перед Лейлой погас на долю секунды и вернулся с изображением Арии. Слишком чистым изображением. Флагманская рубка за её спиной выглядела ровнее, чем после аварийного прохода. На ворота формы сиял синенский знак, которого Ария не носила так открыто.

Лейла не отключила эфир. Сначала нужно было понять, куда быют.

Голос Арии прозвучал без помех:

— Миры Корселунской дуги. Порог Синена признал мой доступ. Для сохранения маршрутов и предотвращения распада я принимаю статус пороговой наследницы. До завершения стабилизации все фракционные решения переходят под единый Свод. Сопротивление будет считаться угрозой спасению.

У Тарра отвисла челюсть.

— Это не она.

— Спасибо за глубокий анализ, — сказала Лейла. — Метки?

— Подпись старая синенская. Очень старая. Но сжатие

вейранское.

Майра ругалась в ардинский канал, убеждая своих не стрелять в ближайший люмирский корабль только потому, что подделка произнесла слово «единый».

Запись продолжалась.

— Дом Синен не ищет власти. Дом принимает ответственность. Имя даёт право. Голос подтверждает долг. Шифр открывает путь. Клятва связывает вас со мной. Порог завершит то, что было начато.

Лейла подалась вперёд. Настоящая Ария никогда не сказала бы «связывает вас со мной». Она скорее проглотила бы стекло, чем произнесла такое в эфир.

Поток сообщений взорвался. Одни требовали ареста Арии, другие звали её императрицей, третьи писали, что им всё равно, кто правит, если кольца откроются. Майра ударила ладонью по панели.

— Окраинные узлы кипят. Две ячейки требуют разрыва с Коалицией.

— Держи их в голосе, не в оружии.

— Легко сказать.

— Трудно сделать, поэтому я и прошу тебя.

Тарр быстро перебирал слои записи. На лбу у него выступил пот.

— Морок почти идеальный. Голосовая основа взята из настоящих речей Арии. Тембр подтянут через синенские архивы. Дыхание неверное, но в эфире это заметят только боль-

ные специалисты.

— У нас есть больные специалисты?

— Я обижен, но да.

Лейла вернулась в эфир. Поддельная Ария ещё говорила, но Лейла включилась поверх неё.

— Это ложная запись. Повторяю: это ложная запись. Флагманский канал Арии не выходил в гражданскую Голоссеть. Обратите внимание на формулу «клятва связывает вас со мной». Ария Целестина никогда не использует право клятвы как повод подчинения. У неё много недостатков, но такой дурной вкус к имперским фразам пока не замечен.

Тарр поднял на неё глаза.

— Вы сейчас опровергаете переворот словами «дурной вкус»?

— Люди лучше запоминают, когда им не читают протокол.

Майра коротко засмеялась и тут же вернулась к каналам. Смех помог. Даже Тарр перестал выглядеть так, будто пишет предсмертную записку.

Лейла вывела на экран две голосовые дорожки: настоящую запись Арии после Карасса и подделку. Она не стала объяснять сложную часть. Дала людям услышать паузу. Настоящая Ария перед трудным словом делала короткий вдох, словно сначала проверяла, не станет ли слово чужим приказом. Подделка шла ровно и уверенно, без этого сопротивления.

— Слышите разницу? — спросила Лейла в эфир. — Настоящий человек сомневается там, где решает за других. Подделка не сомневается. Именно поэтому она удобна тем, кто хочет владельца.

На карте гражданских узлов часть красных точек стала жёлтой. Не доверие. Пока только задержка паники. Лейла приняла бы и это.

— Нашли шов, — сказал Тарр. — Вторая минута, девятнадцатая секунда. Слово «наследница». Там подмешан старый титульный протокол.

Он вывел фрагмент на боковой экран. Слово «наследница» держалось чуть дольше остальных, будто на него повесили дополнительный вес. Под ним шёл код, похожий на вейранское сжатие, но с чужим ключом.

Лейла почувствовала холод в животе. Подделку сделали не для одного эфира. Её строили так, чтобы люди привыкали к слову «владелец», к титулу, к мысли, что после страха естественно просить одного сильного человека говорить за всех.

— Это не просто клевета, — сказала она.

— Что? — спросила Майра.

— Это подготовка.

Тарр кивнул, не отрываясь от экрана.

— Источник прыгает между узлами. Я вижу Омбрисский хвост, потом вейранский частный шлюз, потом пустую подпись.

— Пустых подписей не бывает.

— Бывают, если за них хорошо заплатили.

— Или если их хорошо испугали, — сказала Майра.

Лейла включила общий эфир. Поддельную запись разносили независимые каналы. Самое опасное началось там, где люди писали: «Пусть это ложь, но если она откроет маршруты, какая разница?»

Лейла прочитала эту фразу вслух и заставила себя говорить спокойно.

— Разница есть. Если вы отдаёте голос тому, кто обещает снять страх, однажды он начнёт решать, какой страх вам разрешён. Сегодня вам показали фальшивую Арию. Завтра покажут фальшивый выбор. Потом вам скажут, что вы сами просили владельца.

Среди сообщений появился мужчина из больничного дока. Он говорил, что ему всё равно, кто правит, если дочь получит лекарство. Лейла не выключила его сразу. Она дала этой фразе пройти в эфир.

— Я слышу вас, — сказала она. — И не буду делать вид, что свобода лечит быстрее лекарств. Но если спасение начнётся с украденного голоса, потом у вашей дочери украдут право спросить, почему её спаситель стал хозяином.

Тарр тихо сказал:

— Это жёстко.

— Это правда.

— Правда иногда плохо удерживает аудиторию.

— Зато потом ей не стыдно смотреть в зеркало. Если зеркало уцелело после перехода.

Майра покосилась на треснувшую панель.

— У нас одно уцелело. Но оно показывает людей в таком виде, что я подозреваю в нём ардинскую честность.

Лейла коротко улыбнулась. В отсеке стало легче на один вдох.

Тарр внезапно выпрямился.

— Есть обратный след. Подделку протолкнули через канал, который должен был быть закрыт во время флотской немоты.

— Чей канал?

Он увеличил фрагмент. На экране появилась хвостовая сигнатура. Метка была разбита шумом, но направление сохранилось.

— Это не флагман, — сказал Тарр. — Но рядом с флагманом. Очень рядом.

Майра перестала улыбаться.

— Внутри Коалиции?

— Или через корабль, которому дали временный доступ после аварии.

Вейранские ремонтные модули, люмирские каналы, си-ненские свидетели. Любой вариант был плохим, а хороший вариант, как обычно, не явился на заседание.

Лейла открыла закрытый канал к Дариусу. Связь не прошла. Потом к Арии. Канал тоже был занят или заглушён.

Лейла выругалась тихо.

— Записывай всё, — сказала она Тарру. — Дублируй на три независимых узла. Один — Ардину, один — Люмире, один — в мой личный слепой архив.

— Если я выберу не те узлы, нас обвинят в работе на одну сторону.

— Нас и так обвинят. Важно, чтобы обвинителям пришлось читать материалы.

Майра присвистнула.

— Самая страшная угроза журналиста.

— Работает чаще, чем приличное оружие.

В эфире Лейла повторила главные факты: аварийный проход был настоящим, «Ларн» спасён, строка Порога существует, Ария не объявляла себя наследницей Свода, поддельная запись содержит чужой титульный протокол и вейранский способ сжатия. Она не назвала виновного. Поспешное имя сейчас стало бы подарком для настоящего источника.

— Я не прошу верить мне, — сказала Лейла. — Сохраняйте запись, сравнивайте голоса, требуйте открытых данных от всех фракций. Особенно от тех, кто предлагает спокойствие быстрее вопросов. Порог спросил владельца. Мы не обязаны отвечать чужой фальшивкой.

На карте несколько гражданских узлов начали ретранслировать её опровержение. Красные вспышки не исчезли, но перестали расти. Тарр закрыл лицо руками и посидел так две секунды.

— Мы живы? — спросил он.

— Пока да.

— Это официальный статус?

— Рабочий.

Майра показала на боковой экран.

— Ардинские каналы остыли. Не все. Но меньше криков о взрыве. Люмирские гражданские узлы требуют комиссии, что для них почти танец радости. Вейранские каналы молчат.

— Вот это плохо, — сказала Лейла.

— Почему? Тишина приятнее угроз.

— Угрозы тратят силы. Тишина копит деньги.

Тарр нашёл ещё один фрагмент подделки и вывел его в отдельное окно.

— Смотрите. На слове «единый Свод» стоит скрытая метка распространения. Если узел принимает запись без проверки, она сама предлагает следующий пакет.

— Какой?

— Пока не открыт. Зашифрован. Но название видно.

На экране появилось: «Голос владельца. Версия вторая».

Лейла почувствовала, как усталость после эфира превращается в злость. Первая запись была пробой. Вторая должна была пойти дальше — не объявить Арию наследницей, а заставить миры захотеть такой голос. Подделка была не ножом, а крючком.

— Не открывай пакет, — сказала она. — Изолируй копию.

— Уже. Я не настолько хочу умереть от любопытства.

— Все журналисты сейчас осудили бы тебя.

— Я инженер связи.

— Никто не идеален.

Майра проверила обходной канал.

— У нас входящее. Без подписи.

— После всего этого фраза «без подписи» звучит как приглашение в неприятности.

— Текст короткий.

Лейла кивнула. Майра вывела сообщение на главный экран. Оно пришло по каналу, которого не было в открытой карте. Ни герба, ни служебного кода. Сообщение даже не пыталось притвориться фракционным.

«Настоящий Порог выбрал голос. Остальные будут молчать».

Тарр сглотнул.

— Это угроза?

Лейла перечитала строку. В ней не было ярости. Отправитель сообщал о будущем, которое считал оформленным.

— Нет, — сказала она. — Это расписание.

Она выключила открытый эфир, но запись не остановила. Теперь каждая секунда могла стать уликой. На карте гражданские узлы продолжали спорить, ругаться, благодарить, обвинять и просить. Миры ещё говорили разными голосами. Лейла смотрела на эти мерцающие точки и понимала: пока они спорят, их ещё не заставили молчать.

Она сохранила сообщение в трёх копиях и отправила первую Арии, вторую Дариусу, третью — в слепой архив. Затем подтянула микрофон ближе, хотя эфир был закрыт. Голос ей ещё понадобится. Возможно, скоро именно за него начнут убивать.

Глава 4. Миры без трона

Корабль Ардина назывался «Возвращённое имя», но после аварийного прохода он больше походил на старый склад, который упрямо решил лететь. После выхода из кольца сюда принесли стойки связи. Зал треснул по шву, и капитан буркнул: трещина работе не мешает, но портит вид.

Рен Лиран стоял у стола из снятой бронеплиты. На плите были выбиты имена людей, которых Ардин когда-то вернул из старых архивов. Часть букв стёрлась от рук. Рен знал все эти имена, хотя не всех людей. Ардин начинался с такой работы: найти стёртое имя, вернуть его живым, потом брать оружие.

Сейчас оружие лежало близко.

Вокруг стола собрались вольные старшие. Они пришли с кораблей хвоста, с пепельных проводников, с малых судов, которые прошли кольцо на упрямстве и плохом ремонте. У многих на лицах были ожоги и синяки от ремней. Никто не просил врача.

На боковом экране висел остановленный кадр фальшивого эфира. Ария в чужом блеске синенского знака. Ария, которая якобы принимала статус пороговой наследницы. Рен знал, что это подделка. Его люди видели другое: Дом Синен говорит словами спасения.

— Выключите это, — сказал он.

Майр Гаст, старший с корабля «Пепельная ветка», не двинулся.

— Пусть висит. Чтобы никто не забыл, как быстро они надевают старую маску.

— Это не Ария.

— А кто слышит разницу? — спросила Иварра Сейн. Она держала перевязанную руку на груди, но говорила ровно. — Миры слышат имя Синен. Им этого достаточно.

— Нам не должно быть достаточно.

У дальней стены молодой клятвенный боец усмехнулся.

— Опять будем умнее мёртвых?

В отсеке стало тихо. Рен повернулся к нему.

— Назови себя.

— Тир Нал. Узел Рашаар.

— Сколько тебе лет, Тир Нал?

— Достаточно, чтобы помнить, кто жёг наши архивы.

— Твои архивы жгли до твоего рождения.

— Зато я вырос среди тех, кто помнил запах.

Рен не ответил сразу. В таких словах была правда, и именно поэтому они были опасны. С ложью легче: её можно разбить фактом. Правда, прожитая семьями, не разбивается. Её можно только удержать от нового приказа.

— Говори, — сказал Рен. — Раз начал.

Тир шагнул к столу. На поясе у него висел малый резак, не снятый перед советом.

— Мы должны выйти из Коалиции. Сейчас. Пока флагман

Синен не подвёл нас к Порогу и не запер всех в своём Своде.

— В своём Своде, — поправил старый проводник Харс.
— Если уж зовёшь к мятежу, не ломай падежи. Предки услышат и решат, что мы погибли от невежества.

Несколько человек фыркнули. Тир покраснел, но удержался.

— Пусть смеются. У нас есть заряды. Есть проводники. Мы знаем пепельные маршруты лучше Люмиры и Ордена. Если Порог требует владельца, его надо уничтожить до того, как владелец найдётся.

— Красиво, — сказал Харс. — Просто как удар башкой в закрытый шлюз.

— И честнее, чем ждать новой империи.

Рен поднял руку. Смех погас.

— Уничтожить Порог не значит уничтожить власть. Это значит оставить краевые миры без маршрутов. Первыми умрут не люмирские столицы и не вейранские пояса. Первыми начнут глохнуть наши узлы.

Майр наклонился над столом.

— А если Порог получит хозяина, наши узлы снова станут чьей-то кладовой. Мы уже жили в мире, где нам объясняли, что порядок важнее имени.

— Я помню.

— Нет, Рен. Ты знаешь. Помнят те, у кого в семье до сих пор нет настоящих списков.

Иварра положила на стол старый жетон. Цифры на нём

были выбиты поверх чужого имени.

— Мою бабушку звали не Сейн. Её записали так после переселения, потому что старое имя показалось синенскому контролёру слишком длинным. Он устал писать. Вот так Дом Синен управлял равновесием: устал писать — сменил человеку жизнь.

Рен взял жетон, подержал на ладони и вернул ей.

— Поэтому я и не предлагаю отдать Порог Арии.

— Но ты ведёшь нас к ней.

— Я веду нас к вопросу, на который пока нельзя ответить взрывом.

Тир ударил кулаком по бронеплите. Имена на столе тихо звякнули.

— Ты слышал Лейлу. Подделка уже пошла по мирам. Завтра будет новая. Послезавтра половина Дуги сама попросит Арию править, лишь бы кольца открылись. Люди устают от свободы, когда у детей заканчивается воздух.

Эта фраза попала точно. Рен тоже видел сообщения из окраин. Там не требовали философии. Там просили маршруты, лекарства, воду для станций и право не слушать очередных великих спасителей. Свобода плохо звучала там, где кончался кислород.

— Если мы уйдём, — сказал Рен, — Люмира останется рядом с Арией без нас. Вейран предложит щиты и контракты. Орден снова всё запретит и назовёт это равновесием. Кто тогда скажет Порогу, что миры без трона существуют?

— Порог не слушает нас, — сказала Иварра.

— Пока нет. Значит, надо стоять ближе.

— Рядом с Синен.

— Рядом с решением.

В отсеке поднялся шум. Одни требовали голосования о выходе из Коалиции, другие предлагали дать Арии один переход и поставить условия. Харс ругался на всех, кто путал месть со стратегией, но сам держал руку на рукояти ножа.

Рен включил карту. Голограмма дёрнулась, потеряла слой, потом показала краевые системы. Красные отметки горели там, где кольца закрывались с перебоями.

— Смотрите сюда.

— Мы смотрели на карты всю жизнь, — сказал Майр. — Они всегда доказывали чужую правоту.

— Эта карта доказывает только расстояние до голода.

Шум стал тише.

Рен увеличил сектор Таврааль. Там ещё работал медицинский узел. Если Порог не стабилизирует кольцепуть, узел отрежет через шесть суток. Потом показал Рашаар, родной узел Тира. Там держалась водная станция, зависимая от внешних поставок.

— Мы можем взорвать путь, — сказал Рен. — Громко и честно, если слово «честно» теперь значит «всем назло». Но после этого к нам придут не императоры. Придут матери с пустыми кислородными баллонами. И я не хочу объяснять им, что их дети умерли свободными.

Тир отвёл взгляд. Иварра сжала жетон в кулаке.

— Ты говоришь как Люмира, — сказал Майр.

Рен усмехнулся.

— Если бы я говорил как Люмира, я бы создал комиссию по пустым баллонам, назвал её временной и попросил вас не паниковать.

Харс кашлянул, скрывая смех.

— Вот за это его и терпим. Иногда попадает.

Майр не улыбнулся.

— Шутки не меняют крови.

— Ничего не меняет крови, — ответил Рен. — Поэтому кровь плохой советник. Она всегда предлагает заплатить чужой кровью.

Иварра подняла глаза.

— А если Ария назовёт себя владелицей?

Настоящий вопрос. Ария могла отказаться от трона сто раз, но Порог мог поставить её так, что любой отказ станет новым способом владеть.

— Тогда я буду стоять перед ней, — сказал Рен. — Не рядом. Перед ней.

— С оружием?

— С памятью. Если не хватит — с оружием.

Тир тихо спросил:

— А если она прикажет?

Рен посмотрел на остановленный кадр фальшивой Арии. Подделка была слишком правильной. Настоящая Ария вы-

глядела бы хуже: усталая, злая, с пятнами аварийной пены на форме. Именно поэтому Рен ей верил. Слишком красивые спасители всегда пахли будущей тюрьмой.

— Ария не приказывает там, где не имеет права, — сказал он. — Пока.

— Вот именно, — бросил Майр. — Пока.

— Поэтому мы не бросаем ключи ей под ноги и не встаём на колени. Мы остаёмся в Коалиции как сторона, а не как хвост флагмана.

— И что предлагаем? Верить?

— Нет. Проверять.

Рен выключил карту и вызвал закрытый канал. Через несколько секунд у дальней двери появился Нарай, старший сапёр Ардина. Низкий, широкоплечий, с лицом человека, который не доверяет даже собственным инструментам без повторной проверки. За ним вошла молодая женщина с чемоданом зарядных ядер. Она поставила чемодан на пол так бережно, будто внутри лежал очень обидчивый бог.

— Вызывали, — сказал Нарай.

Тир выпрямился. Иварра посмотрела на Рена с болью, потому что поняла.

— Да, — ответил Рен. — Нужен план крайней меры. Майр медленно кивнул.

— Значит, ты всё-таки слышишь нас.

— Я слышу. Просто не отдаю вам первую кнопку.

Нарай открыл чемодан. Внутри лежал малый активатор.

Чёрный корпус, ручная метка Ардина, три независимых замка. Устройство могло разорвать узкий артексилловый мост, если поставить его в правильное место. Порог оно не уничтожило бы само, но могло закрыть подход к нему так, что Коалиция потеряла бы шанс на запуск.

— Работоспособность? — спросил Рен.

— После кольца проверена. Два замка чистые. Третий капризничает, но в пределах нормы.

— «Капризничает» — это технический термин?

— Ардинский. Значит: «не трогать без меня, иначе останетесь без пальцев и с глупым лицом».

Харс довольно хмыкнул.

— Хороший термин. Надо в устав.

Рен вернулся к Нараю.

— Сколько времени на постановку?

— Если знаем точку — семь минут. Если не знаем — от часа до вечности. Вечность обычно заканчивается раньше.

— Точку узнаем только у Порога.

— Тогда лучше взять человека, который умеет бегать и не задаёт лишних вопросов.

— Таких у нас мало. Мы же Ардин.

— Тогда возьму того, кто задаёт вопросы быстро.

Смех был нервным, но нужным. Оружие на столе не казалось единственным ответом. Оно стало последним замком на двери, которую никто не хочет открывать.

Иварра шагнула ближе к активатору.

— Кто будет держать ключ?

— Я, — сказал Тир.

— Нет, — ответил Рен.

— Я из Рашаара. Мой узел первым умрёт, если Синен снова станет хозяином.

— Поэтому ты не держишь ключ. Ты слишком прав, чтобы быть спокойным.

Тир вспыхнул.

— Ты мне не доверяешь.

— Сейчас я не доверяю даже себе полностью. Это называется хороший день для выживания.

Харс ткнул пальцем в активатор.

— Дать Нараю. Сапёр любит устройство больше наших клятв, значит, не нажмёт от злости.

Нарай пожал плечами.

— Я нажимаю только после проверки схемы. Иногда это портит красивые речи.

— Вот поэтому тебе и дам, — сказал Рен.

Майр резко выпрямился.

— Если активатор останется у сапёра, ты сможешь отменить крайний план в любой момент.

— Верно.

— Мы просим гарантии.

— Гарантия будет другая. План существует. Условия его применения записаны сейчас при всех старших. Если Ария назовёт себя владелицей Свода, если Люмира попытается

изолировать ключи, если Вейран получит контроль над Порогом через контракт или морок, Нарай ставит активатор по моему приказу. Если я мёртв или заблокирован, решение принимают трое старших.

Тир сжал кулаки.

— А если ты жив и слаб?

Рен посмотрел ему прямо в глаза.

— Тогда скажешь это мне в лицо на следующем совете. С оружием приходить не надо. Я и так услышу.

Тир не отвёл взгляда, но промолчал.

Иварра медленно кивнула.

— Записать условия.

Майра-связистка включила внутреннюю запись.

— Только локальная запись, — сказал Рен. — Без Голос-сети.

— Уже. Я тоже не хочу, чтобы наш план через пять минут объявили имперским манифестом Арии.

— Спасибо за веру в технику.

— В технику я верю. В людей, которые её покупают, нет.

Нарай закрыл чемодан, но активатор оставил на столе. Чёрный корпус смотрелся среди выбитых имён неправильно. Рену хотелось убрать его сразу. Вместо этого он заставил себя смотреть. Такие вещи нельзя прятать от собственного взгляда, иначе однажды рука сама найдёт их в темноте.

— Мы остаёмся в Коалиции, — сказал он. — Передайте кораблям: Ардин не выходит из похода. Пепельные провод-

ники переходят на двойную проверку маршрутов. Люмирский приказ выполняется только после нашего подтверждения. Вейранские модули не подключаются к нашим контурам. От Ордена требуем данные тихого тока.

Харс поднял бровь.

— А Синен?

Рен подошёл к экрану с фальшивой Арией и выключил изображение. Стало легче, хотя экран всего лишь почернел.

— С Арией я поговорю сам.

— Как союзник? — спросил Майр.

— Как человек, который ещё не решил, сколько доверия может пережить его память.

Иварра тихо сказала:

— Это честнее, чем клятва.

Рен не ответил. Лейла только что доказала, что голос можно украсть. Дариус, скорее всего, получил от Люмиры то, что они назовут заботой. Вейран молчал, а молчание Консорциума редко означало отсутствие плана. Орден наверняка знал больше, чем сказал, и считал это мудростью.

А Ария стояла в середине всего этого. Не на троне. На краю.

Совет расходился долго. Старшие спорили тише, без крика. Нарай проверял замки чемодана, Тир говорил с Иваррой у стены, Харс учил молодых бойцов ругаться на люмирском канале так, чтобы формально это считалось технической жалобой.

Рен остался у стола. Он провёл пальцами по выбитым именам и остановился на одном, стёртом. Это имя принадлежало его двоюродной бабке. В синенских списках её записали рабочим номером, потому что настоящего имени не было в разрешённом реестре. Когда Ардин вернул имя, бабка не могла говорить, но, по словам матери Рена, улыбалась целый день и держала табличку на коленях.

Нарай подошёл без шума и поставил перед ним малый активатор. Теперь чемодана вокруг него не было. Только чёрный корпус, три замка и выцарапанная на боку фраза.

Миры без трона.

— Кто написал? — спросил Рен.

— Не я.

— Я спросил не для наказания.

Нарай пожал плечами.

— Тогда не знаю. Такие слова обычно появляются сами. Особенно на вещах, которые лучше бы не понадобились.

Рен взял активатор. Он был тяжелее, чем выглядел. Или рука не хотела принимать его вес.

— Он будет у тебя, — сказал Рен. — Место хранения знаем только мы. Если меня заблокируют, условия передашь трём старшим. Если потребуют кнопку раньше, скажешь, что потерял.

— Мне не поверят.

— Тогда скажи, что я потерял. В это поверят охотнее.

Нарай улыбнулся.

— Хороший план. Унижает командира и спасает устройство.

Сапёр забрал активатор, но перед уходом задержался.

— Рен. Если дойдёт до этого, семь минут могут быть роскошью.

— Знаю.

— Тогда решай раньше, чем тебе захочется быть уверенным.

Нарай ушёл. Рен остался один у стола с именами. За переборкой спорили механики, где-то дальше стонал повреждённый гравимотор. Через корпус корабля проходила дрожь конвоя, ещё не ставшего настоящим союзом.

Рен посмотрел на пустой экран, где недавно висела фальшивая Ария. Ему хотелось верить настоящей. Не наследнице, не Синен, не живому доступу. Женщине, которая в кольце спасла «Ларн» и отдала за это часть резерва. Но память его людей стояла рядом и не позволяла вере стать удобной.

Он выключил запись совета, запечатал условия крайней меры и отправил кораблям короткий приказ: Ардин остаётся в походе.

После этого Рен добавил вторую строку, для старших проводников: если Порог потребует владельца и Ария примет это имя, пепельный план вступает в силу.

Глава 5. Тихий ток

Ли́ра не люби́ла ти́шину, ко́торую созда́вали на́рочно. В нормальной лаборатории что-нибудь всегда мешало думать: пищал датчик, ругался техник, заедал охладитель. После аварийного выхода из кольца всё было иначе. Люди в исследовательском отсеке говорили шёпотом. Они боялись не шума, а того, что Порог услышит лишнее.

Отсек собрали в бывшем грузовом узле флагмана. Стены ещё пахли металлом после резки, пол местами закрывали ремонтные плиты, а над столом висела карта, которую никто не мог назвать картой. Там, где должны были идти линии маршрутов, оставалось чёрное пятно. Вокруг него держались четыре слабых знака: имя, голос, шифр и клятва. Пятый знак молчал.

Ли́ра стояла босиком у резонансного стола: подошвы гасили слабый отклик. Люми́рский техник спросил, входит ли это в протокол безопасности. Ли́ра ответила, что входит, если протокол хочет дожить до вечера.

У дальнего края стола сидели трое навигаторов Ордена Белой Зари. Их ладони лежали над чёрной линией карты, будто они греются у огня, которого не было. Старший среди них, смотритель равновесия Элла́н, держал глаза открытыми, но Ли́ра не была уверена, что он смотрит именно в отсек.

— Приборы снова показывают пустоту, — сказал люми́р-

ский техник.

— Приборы честные, — ответила Лира. — Они видят только то, чему их учили.

— Это упрёк прибору или мне?

— Сегодня всем понемногу. У нас равномерное распределение обид.

Техник фыркнул и вернулся к панели. Несколько человек позволили себе улыбнуться. Лира ценила такие секунды: если исследователи перестают шутить, они начинают молиться или писать отчёты.

Она приложила ладонь к краю резонансного стола. Металл был холодным, но под холодом шёл слабый толчок. Не вибрация и не электропомеха. Скорее ощущение, что где-то очень далеко дверь не открылась, но изменила вес на петлях.

— Тихий ток есть, — сказала она.

Люмирский техник посмотрел на пустой экран.

— Система не подтверждает.

— Я ей сочувствую.

Эллан поднял глаза.

— Ток не должен подтверждаться вашими системами.

— Как удобно. Древняя угроза снова не помещалась в инструкцию.

— Не выше. Глубже.

— Это вы сейчас спорите или украшаете проблему?

— Порог Синена не находится в координатах, — сказал смотритель. — Его нельзя вывести на карту как узел или

кольцо. Он появляется там, где система признаёт вопрос завершённым.

— А если вопрос сформулирован плохо?

— Тогда Порог отвечает плохо.

На столе поднялся первый слой расчёта. Знак имени вспыхнул тускло, рядом возникла метка Нивендры, потом голосовой след Карасса, мальзаарский шифр и узел Артек-силовой клятвы. Знаки держались отдельно, но вместе давали почти устойчивый контур.

— Четыре ключа признаны, — сказала Лира. — Имя держится. Голос шумит, но не рвётся. Шифр реагирует на живой расчёт. Клятва упрямая, как все хорошие клятвы. Пятая строка пустая.

— Потому что пятый ключ ещё не создан, — сказал Эллан.

— Или потому что его от нас прячут.

В отсеке стало тихо.

— Осторожнее, Лира Вехн, — сказал Эллан.

— Я обычно осторожна после третьего взрыва.

— Здесь взрыв будет не первым последствием.

— Знаю. Поэтому и спрашиваю сейчас, пока мы ещё можем отвечать словами.

Она вывела на экран запись последнего отклика Порога. Строка «Назови владельца» пошла по карте, потом сменилась пустым местом. Порог ждал формат ответа, который старая матрица считала обязательным.

— Вы знали о строке владельца, — сказала Лира.

Эллан не отвернулся.

— Орден знал, что старый Свод требовал центра решения.

— Центра решения? Почти не пахнет тюрьмой.

— Слова менялись с эпохами.

— А смысл? Тоже менялся? Или вы просто меняли таблички на двери?

Младший навигатор тихо сказал:

— Смотритель, ей нужно знать.

— Нам всем нужно знать, — сказала Лира. — Ария отдала пять долей резерва, чтобы вытащить «Ларн». Лейла отбила поддельный голос. Рен готовит что-нибудь с зарядом. У Вейрана слишком тихо. Если Орден опять выберет молчание, я начну бить приборы. Жалко будет недолго.

Люмирский техник поднял руку.

— Мои приборы прошу не трогать. Они не виноваты.

— Зависит от их показаний.

Эллан сделал шаг к столу. Его белый плащ был подпален у края после прохода через кольцо, но он будто не замечал. Лира не доверяла людям, которые так легко не замечают повреждений.

— Порог нельзя открыть полным расчётом, — сказал он. — Полный расчёт подчиняет. Неполный расчёт ломает. Между ними есть живая мера.

— Наконец-то слова, похожие на работу. Где она?

— В памяти Ордена.

— Значит, в сейфе у людей, которые веками путали запрет с заботой.

Эллан положил на стол небольшой кристалл-резонатор. Он был матовый, будто его долго держали в пепле. Рядом с ним приборы начали врать по-разному: один показал перегрев, другой — нулевую температуру, третий сообщил, что объекта нет.

— Это часть белой меры, — сказал Эллан. — Запретный расчёт. Его нельзя копировать обычным способом.

— Всё можно копировать. Вопрос только в цене, качестве и количестве проклятий от инженеров.

— Здесь цена — память.

Лира перестала улыбаться. Кристалл тихо тянул к себе внимание. Если смотреть на него долго, всплывали обрывки решений, оставленных без понятных инструкций.

— Чья память? — спросила она.

— Того, кто читает глубже разрешённого слоя.

— Прекрасно. Значит, опять мне.

Люмирский техник осторожно подвинул к ней стабилизатор.

— Может, хотя бы с ограничителем?

— Вот это здравая мысль.

Лира подключила стабилизатор, вывела мальзаарский слой и наложила на него следы четырёх ключей. Имя Арии дало первый отклик. Голос Карасса добавил шум, неприятный, как дальняя толпа за стеной. Шифр Мальзаара изменил

рисунок линий. Клятва Артексила вошла последней и сразу заставила стол нагреться.

— Полевой рост, — сказал техник. — Два процента. Пять. Девять.

— Держать.

— Если будет пятнадцать, отключаю.

— Если будет пятнадцать, я сама попрошу. Возможно, даже вежливо.

Эллан протянул руку к кристаллу.

— Читать нужно не силой. Вопросом.

— Я учёная, зрительница. У нас вопросы обычно острее силы.

Она коснулась кристалла двумя пальцами. Сначала ничего не произошло. Потом из памяти пропал запах корабельного напитка, который она ненавидела по утрам. Лира моргнула. Потеря была мелкая, почти смешная, но её сразу накрыл страх: если древний расчёт начинается с мелочей, кто решает, где остановиться?

На экране появилась первая строка.

Имя подтверждает вход.

Вторая строка вспыхнула через голосовой шум.

Голос подтверждает свидетельство.

От следа Карасса в отсеке на миг стало холоднее. Третий знак сопротивлялся дольше. Линии пытались сложиться в привычную формулу, потом ломали сами себя.

— Мальзаар ругается, — сказала Лира.

— Это научный термин? — спросил техник.

— Уже да.

Строка всё-таки появилась.

Шифр подтверждает смысл.

Клятва дала не строку, а удар по столу. В сознании мелькнул Сабаинар: не лицо, а тяжесть его решения. Точный акт человека, который не переложил цену на других.

Клятва подтверждает цену.

— Четыре слоя замкнулись, — сказал техник. — Пятая пустая.

— Покажи нижний слой.

— Там шум.

— Шум — это когда система стесняется.

Техник посмотрел на Эллана. Тот не стал запрещать. Лира поняла: Орден боялся не провала, а слишком ясного ответа.

Нижний слой открылся медленно. Пятно на карте стало глубже, будто экран показывал не поверхность, а провал под ней. В провале шла старая матрица. Лира видела поздние правки Синена, запреты Ордена и свежие следы чужого расчёта.

— Стоп, — сказала она. — Увеличить правый фрагмент.

Фрагмент вырос. В нём не было вейранской подписи, но был стиль: гладко, экономно, с расчётом на будущую собственность.

— Они уже видели нижний слой.

Эллан замер.

— Кто?

— Вейран. Не весь. Фрагмент. Этого им хватило, чтобы понять, куда тыкать чужими руками.

— Невозможно.

— Любимое слово хранителей перед чужим успехом.

Она провела расчёт назад. Кристалл больно кольнул пальцы, и из памяти исчезло лицо одного преподавателя с Ривериона. Имя осталось, голос остался, а лицо стало пустым пятном. Лира выругалась уже без шутки.

— Лира? — спросил техник.

— Работаем. Не трогать меня.

Ещё одна строка проступила на экране. Сначала как ошибка, потом как старый параметр, который долго прятали под другими словами.

Пороговый владелец.

Техник прочитал вслух и осёкся. Эллан закрыл глаза, и это было почти признанием.

— Вот и он, — сказала Лира. — Не центр решения. Не живая мера. Владелец.

— Это старый термин, — сказал Эллан.

— Старые термины особенно любят возвращаться с ножом.

— Вы видите только часть.

— Тогда покажите целое.

Смотритель молчал. Лира убрала пальцы от кристалла, но связь не оборвалась. Матрица словно ждала, что теперь её

наконец признают.

— Без заполнения этой строки Порог не завершает открытие, — сказала она. — Правильно?

Эллан ответил после паузы:

— Старая матрица так устроена.

— Кем?

— Домом Синен в последние века хранения.

— То есть тогда, когда хранение уже стало правлением.

— Да.

— Почему вы не сказали раньше?

— Потому что сама строка опасна. Если назвать её всем, каждая фракция начнёт искать способ заполнить её собой.

— Они уже ищут. Люмира приказами, Вейран патентами, Ардин зарядами, Синен прошлым, Орден молчанием. Поздравляю, секретность не сработала.

Младший навигатор тихо произнёс:

— Мы боялись, что Ария услышит это как призыв.

Лира повернулась к нему.

— Ария сегодня спасла старый транспорт, хотя это ослабило её доступ. Если вы всё ещё думаете о ней как о будущей императрице, вам нужно чаще выходить из белых залов.

На столе снова мигнули четыре следа. Пятая строка начала заполняться пустыми символами, как поле формы, которую ждёт чужая рука. Лира увеличила слой и заметила слабый боковой вход. Не дверь. Скорее щель в расчёте.

— Вот зачем Вейрану подделки голоса, — сказала она.

Техник наклонился ближе.

— Чтобы объявить Арию наследницей?

— Это верхний слой. Для толпы. А нижний — собрать чужое согласие. Если они смогут подать в строку владельца не имя Арии, а контур, оформленный как воля миров, Порог может принять подмену.

Эллан резко открыл глаза.

— Неполный контур не выдержит.

— Конечно. Он потом сломает половину Голоссети, но первые минуты будет выглядеть как спасение. У Вейрана это называется удачная демонстрация.

— Как можно заполнить строку чужой волей? — спросил техник.

— Через голосовой морок, страх гражданских узлов и юридический пакет, который назовут коллективным мандатом. Лейла только что поймала первую пробу.

— Тогда им нужна Ария?

— Им нужен способ обойти её. Или заставить Порог поверить, что её выбор уже выражен через других.

Лира запустила новый расчёт. Кристалл сразу потянул за память сильнее. Она отдёргнула руку.

— Нет. Дальше без меня.

— Расчёт не завершён, — сказал Эллан.

— А я пока тоже. И хотела бы сохранить это состояние.

Она стала вводить ограничения вручную. Живой расчёт сопротивлялся. Формула вела себя как старый архивист: зна-

ла ответ, но обижалась на тон.

— Нужен защитный слой, — сказала Лира. — Если строка владельца обязательна для старой матрицы, мы должны показать ей ответ, который не создаёт хозяина.

— Такого ответа не было, — сказал Эллан.

— Поэтому Порог и застрял в прошлом.

— Это не инженерная неисправность.

— Почти всё, что называют судьбой, выглядит как плохая архитектура, если дать мне достаточно времени.

Техник осторожно спросил:

— Сколько у нас времени?

Лира посмотрела на карту. Чёрное поле Порога чуть расширилось.

— Меньше, чем хотелось бы. Больше, чем Вейран заслуживает.

Она вывела на отдельный экран предупреждение: старая матрица требует порогового владельца; Вейран может попытаться заполнить строку через поддельное коллективное согласие; без защиты любое открытие Порога будет ловушкой.

Эллан убрал кристалл в защитную капсулу. Лира перехватила его руку.

— Нет. Он останется здесь.

— Это реликт Ордена.

— Теперь это улика.

— Вы не имеете права.

— Если вы сейчас унесёте единственный подтверждённый

ный расчёт, я объявлю всему конвою, что Орден скрывал строку владельца. Потом Лейла сделает эфир. Она устала, злая и очень любит документы. Вам не понравится.

Эллан долго смотрел на Лиру. Потом отпустил капсулу.

— Вы опасны.

— Спасибо. Я работала над этим.

Младший навигатор протянул Лире маленькую пластину.

— Здесь личные заметки по тихому току. Не полный расчёт. Наблюдения.

Эллан резко повернулся к нему.

— Мален.

— Если мы опять будем молчать, — сказал молодой навигатор, — то просто красивее проиграем.

Лира взяла пластину.

— Мален, да? Запомню. Если выживем, выпишу вам благодарность в форме нарушения устава.

Лира отправила предупреждение Арии, Дариусу, Лейле и Рену: «Пятая строка требует владельца. Вейран может подделать согласие миров. Не жмите ничего без разговора». Следом добавила: «Это просьба, а не люмирский приказ. Поэтому выполнить проще».

Ответ от Рена пришёл быстро: «Если бы все приказы так писали, Ардину пришлось бы меньше взрывать».

Лира улыбнулась и посмотрела на чёрное поле Порога. Пятая строка уже не казалась пустой. Она казалась голодной.

— Снимаем новый слой, — сказала она. — Но без прямо-

го чтения. Хватит кормить древности моей головой.

— Каким способом? — спросил техник.

— Старым и унижительным. Будем думать.

— А приборы?

— Приборы пусть тоже думают. Им полезно.

Эллан подошёл ближе к карте.

— Вы сказали: ответ без хозяина. Вы верите, что он возможен?

Лира не стала отвечать сразу. Она смотрела на четыре следа доступа. Имя не давало власти само по себе. Голос не принадлежал победителям. Шифр ломался в руках того, кто хотел владеть прочитанным. Клятва работала только тогда, когда цену нельзя было переложить на слабого. Всё это уже было ответом, просто старая матрица не умела его читать.

— Возможен, — сказала она. — Но Порог придётся учить новому слову.

— Какому?

— Не знаю. Пока у нас есть только старое: владелец. Его и надо сломать первым.

За стеной грузового узла загудела связь. Тарр, помощник Лейлы, прислал пакет с фрагментом фальшивой записи. Лира открыла его на боковом экране. Там, под словом «наследница», шёл тот же боковой вход, который она видела в нижнем слое матрицы.

Теперь сомнений не осталось.

Вейрану не нужен был весь Порог. Ему нужна была одна

строка, в которую можно вписать чужую волю и назвать это спасением.

Лира закрыла файл, запечатала расчёт и велела технику поднять защиту лабораторного контура. Потом положила ладонь рядом с пустой пятой строкой, уже не касаясь кристалла. Под металлом снова прошёл тихий ток. Он был слабым, почти незаметным, но шёл не к координатам. Он шёл к вопросу.

Порог не прятался. Он ждал, кто первым догадается, что дверь здесь ни при чём.

Глава 6. Последний маршрут Омбриса

Омбрис появился на карте не как торговый узел, а как повреждённое сердце маршрутов. Прежние кольца мигали аварийными дугами, нейтральные коридоры были забиты судами, над доками шли эвакуационные сигналы.

Ария стояла у центрального стола флагмана. После спасения «Ларна» рубка ещё не пришла в норму: часть панелей держалась на временном питании, а строка Порога всё ещё проступала на схеме маршрута.

— Портовая служба Омбриса просит не занимать гражданские доки, — доложил оператор. — Три станции требуют подтвердить, что Коалиция не закрывает узел под военную операцию.

— Подтвердить. Мы проходим без права на чужие доки. Медицинским кораблям дать второй канал флагмана.

— Второй канал нужен ремонтникам, — сказал люмирский офицер.

— Ремонтники умеют ругаться и через первый, — ответила Ария.

Рен вышел на связь с ардинского корабля. За его спиной виднелась бронеплита со списком имён: совет у Ардина уже прошёл.

— Проводники берут хвост, — сказал Рен. — Но если вейранские модули снова полезут к нашим контурам, мы отрежем кабели.

— Передай это без лишней поэзии.

— У нас поэзия короче кабеля.

Лира подключилась из исследовательского отсека. Усталое лицо и слишком быстрый взгляд обещали плохие новости.

— В зоне Омбриса тихий ток раздвоен, — сказала она. — Основной маршрут пройти можно. Если никто не решит играть в героя на боковой дуге.

— Смотрю на тебя и чувствую недоверие.

— Это не недоверие, а статистика.

Оператор резко выпрямился.

— Внешняя метка. Крейсер в кольцевой тени. Потеря хода.

На карте вспыхнула отметка у разрушенной дуги старого торгового кольца. Сигнатура появилась с задержкой: корабль прятался в тени датчиков, пока его не вытянуло к краю разлома. Ария увеличила изображение.

Вейранский крейсер. Средний класс, частная охрана, усиленные щиты. На борту стояла отметка гуманитарного сопровождения, но старые боевые крепления никто не снял.

Рен заговорил первым.

— Оставить.

— Он потерял ход.

— Этот крейсер блокировал трассу к Рашаару. Наши караваны стояли без лекарств, пока Вейран считал риск. Теперь пусть сам посчитает тень.

Вейранский представитель, капитан ремонтного модуля, вошёл в канал почти сразу.

— Крейсер «Велл-Арк» выполнял контрактную охрану. Обвинения Ардина не имеют юридического основания.

Рен улыбнулся без радости.

— Юридическое основание у нас тоже есть. Называется «мы его не спасли».

Дариус приблизил тактический слой.

— До срыва у них меньше восьми минут. Если уйдут глубже в тень, обломки пойдут в гражданский коридор.

— Сколько людей? — спросила Ария.

— Двести сорок семь на борту. Ещё тридцать гражданских техников. Запрос помощи закрытый, только Вейрану.

— Даже тонут по подписке, — сказал Рен.

Ария посмотрела на него.

— Рен.

— Я знаю. Там люди. Но у меня тоже были люди в караванах, которые они не пустили.

— Поэтому ты имеешь право ненавидеть. Не имеешь права бросить гражданских техников в кольцевой тени.

Он не ответил сразу. На лице промелькнула злость, потом усталость.

— Если ты спасёшь их, мои люди это увидят.

— Пусть видят всё. Спор тоже.

Люмирский офицер вмешался:

— Разворот флагмана задержит конвой. После поддельного эфира и строки Порога это риск.

— Если не вытащим крейсер, — сказал Дариус, — он разлетится у гражданского прохода. Тогда задержка будет дольше.

Лира подняла палец.

— И веселее. В плохом смысле. Маяк Омбриса нестабилен. Заденем боковой поток — получим срыв.

— Другие варианты?

— Малые буксиры не успеют. Вейранские модули попросят доступ к нашим стабилизаторам. Я заранее говорю: нет.

— Нет, — подтвердили Ария и Дариус одновременно.

Ария смотрела на крейсер. Он вращался медленно, но каждый оборот приближал его к тёмной складке. На внешнем корпусе мигали аварийные огни. Правильное решение было неприятным. Хорошим оно не становилось.

— Флагман разворачивается, — сказала она. — Дариус, держи основную колонну. Рен, твои проводники закрывают гражданский коридор. Лира, води нас по безопасному краю тока. Вейранские модули идут следом, без доступа к резерву.

Вейранец открыл рот.

— Без доступа, — повторила Ария. — Если начнёте спорить во время операции, я назначу Лиру вашим моральным надзором.

— Согласна, — сказала Лира. — Начну со слов «закрытый сервисный пакет».

Капитан Вейрана закрыл рот.

Флагман пошёл к боковой дуге. Обломки старого кольца висели впереди, как сломанные рёбра. Между ними двигались малые суда, опасно близкие к аварийным потокам.

— Общий канал шумит, — сказал оператор. — Ардин требует объяснений. Люмира спрашивает о риске. Вейран благодарит заранее.

— Передать всем: операция спасательная. Политика после извлечения крейсера.

Рен вошёл в закрытый канал.

— Ария, мои люди не поймут.

— Поймут, когда мы не бросим их корабль в следующий раз.

— Они скажут, что ты покупаешь себе чистую память.

— Пусть скажут мне лично.

— Скажут.

— Хорошо.

Он смотрел на неё несколько секунд, потом кивнул.

— Мои проводники закрывают коридор. Но если вейранский крейсер наведёт оружие, я не буду ждать разрешения.

— И правильно.

Флагман вошёл под первую дугу обломков. Корпус отошелся тяжёлым стоном. В рубке погас дополнительный свет, остался только рабочий. На экране крейсер вырос: подпали-

ны на борту, искривлённые антенны, просевший щит.

— Буксирные тросы приготовить, — сказал Дариус. — Лучи не удержат, у них рваный щит.

— Физические тросы в кольцевой тени? — спросил люмиский офицер.

— Хотите написать жалобу об эстетике спасения? — спросила Лира.

— Я хотел сказать, что это риск.

— У нас сегодня праздник риска. Берите номерок.

Ария не вмешалась. Пусть ругаются, если при этом работают.

Капитан крейсера вышел на связь с помехами. Седой вейранец с разбитой бровью держался так, будто бедствие тоже должно пройти через договор.

— Флагман Коалиции, говорит Саэлл Ронт, крейсер «Велл-Арк». Принимаем помощь на условиях нейтральной спасательной процедуры.

Рен пробормотал:

— Я сейчас прослезюсь договором.

Ария ответила капитану:

— Условия простые. Вы отключаете оружие, отдаёте управление маневровыми соплами на пять минут и не касаетесь наших контуров.

— Это ставит мой корабль в зависимость от вас.

— Ваш корабль уже в зависимости от обломков. Я вежливее.

Капитан скривился, но кивнул.

— Оружие отключено. Сопла передаю.

Дариус проверил слой.

— Отключено не всё.

Ария посмотрела на капитана.

— Саэлл Ронт.

Капитан помолчал и бросил кому-то за кадром:

— Все батареи. Полностью. Не торгуйтесь с людьми, которые держат трос.

— Теперь чисто, — сказал Дариус.

Тросы ушли в тень. Первый зацепился за боковой узел крейсера. Второй сорвался и вернулся в пустоту. Третий закрепился там, где щит почти не держался.

— Натяжение растёт, — доложил техник. — Если дёрнем резко, оторвём им секцию.

— Не дёргать. Вытягивать медленно.

— Медленно мы закончим к следующей эпохе.

— Тогда чуть быстрее. Но без эпохальных глупостей.

Корабли начали тянуть. Флагман дрожал, крейсер сопротивлялся тени, старое кольцо скрипело в датчиках чужими цифрами. Вейранские модули сбоку ловили мелкие обломки, но держались близко к флагману.

— Модуль Вейрана приближается к нашему стабилизатору, — сказал оператор.

Лира включила общий канал раньше Арии.

— Уважаемый вейранский модуль, ещё полшага к нашему

контуру — и я запишу вас в учебник под заголовком «Самоуверенность как причина дорогого мусора».

Модуль отступил.

Дариус тихо сказал:

— Надо чаще давать ей общий канал.

— Это опасное оружие.

— Зато без доступа к резерву.

Первый трос застонал. На схеме вспыхнуло предупреждение.

— Боковая секция крейсера идёт на разлом!

— Снизить тягу.

— Тогда их снова утянет.

Рен вмешался:

— Мои проводники могут дать боковой толчок. Им придётся пройти между обломками.

— Риск?

— Большой. Наш любимый размер.

Дариус уже считал.

— Если проводники дадут толчок, мы удержим тросы. Но им нужен чистый коридор на тридцать секунд.

— Дать.

Ардинские пепельные проводники вышли из хвоста и скользнули к тени. Их малые корабли казались хрупкими рядом с обломками Омбриса, но шли уверенно, почти нагло. Один прошёл так близко к старому кольцу, что по щиту пробежала белая полоса.

— Рен, — сказала Ария.

— Вижу.

— Передай им: если они погибнут ради вейранцев, я не выдержу отчёта.

— Они передают, что отчёты — люмирская форма по-
смертного насилия.

— Справедливо.

Проводники дали боковой толчок. Крейсер рвануло, тросы натянулись до красной зоны. В рубке сразу заговорили несколько человек, но Ария слышала только тяжёлый шум корпуса.

— Держать тягу!

— Первый трос перегрет!

— Второй не закреплён!

— Третий держит, но крейсер разворачивает.

Флагман попросил больше резерва дрожью под ногами и задержкой щитов.

— Не через мой контур, — сказала Ария раньше, чем Лира успела открыть рот. — Корабельный резерв.

— Корабельный тоже не бесконечный.

— Я заметила. Он каждый раз выглядит обиженным.

Лира быстро провела расчёт.

— Импульс на семь секунд. Потом режем тягу, иначе маяк сорвётся.

— Дариус?

— Семь секунд хватит, если капитан Вейрана не врёт о

соплах.

Саэлл услышал.

— Я передал управление полностью.

— Удивительный день, — сказал Рен. — Вейран просит верить ему на слово.

— Не на слово, — ответил Саэлл. — На трос.

Ария почти улыбнулась.

— Импульс. Семь секунд.

Флагман дал тягу. Тросы вспыхнули от нагрузки, крейсер вышел из тени на половину корпуса, потом ещё. Обломок старого кольца сорвался сверху и пошёл прямо на место сцепки.

— Обломок!

— Лучи не успевают!

— Проводники, вниз! — приказала Ария.

Ардинский корабль нырнул под обломок и ударил его боковым полем. Манёвр был грубый, безумный и точный. Обломок ушёл в сторону, задел щит проводника и разлетелся на мелкие куски.

— Проводник повреждён, — сказал оператор. — Но жив. Рен выдохнул.

— Он утверждает, что всё было под контролем.

— Передай, что я ему не верю.

Крейсер наконец вышел из кольцевой тени. Один трос лопнул и ударил по обломку, но два других удержали. Вейранские модули подхватили корабль уже в чистой зоне.

— «Велл-Арк» стабилизирован, — сказал Дариус. — Гражданский коридор не задет.

В рубке никто не зааплодировал. Люди просто выдохнули.

Саэлл Ронт снова вышел на связь. Лицо у него стало серее, но голос держался.

— Флагман Коалиции. Крейсер подтверждает спасательную операцию. Гражданские техники живы.

— Оружие останется отключённым до окончания прохода Омбриса, — сказала Ария.

— Согласен.

— Ваши модули не получают доступ к нашим контурам.

— Я понял общий настрой.

Он задержал взгляд.

— Мне нужно передать вам данные лично.

Дариус сразу нахмурился.

— Нет.

Саэлл посмотрел на него с усталой вежливостью.

— Генерал Харран, если бы я хотел заманить флагман в ловушку, я выбрал бы момент, когда мой корабль не висит на ваших тросах.

— Вейран умеет работать с ограниченным бюджетом.

Рен добавил:

— Иногда с чужим.

Ария подняла руку.

— Где встреча?

— Стыковочный шлюз. Без охраны с моей стороны. Один

предмет передачи.

— Сканирование полное, — сказал Дариус.

— Разумеется.

— И всё равно я против.

— Поэтому ты пойдёшь рядом, — ответила Ария.

Через десять минут Ария стояла у стыковочного шлюза, где воздух ещё пах аварийной пеной и нагретым металлом. Дариус был справа, двое охранников — дальше, чтобы разговор не выглядел арестом. Рен прислал молчаливого наблюдателя Ардина.

Саэлл вышел без шлема, с кровью на виске и порванным рукавом. Сканеры прошли по нему дважды. Дариус осмотрел его третьим, почти как отдельным прибором.

Капитан остановился на границе шлюза.

— Ария Целестина.

— Капитан Ронт.

— Вы спасли корабль, который не был обязан вам благодарностью.

— Я спасла людей. Корабль попал в комплект.

— Люди благодарны. Корабль оформит это позже в скучной форме.

— Я переживу.

Капитан достал плоский жетон из тёмного металла. На нём не было герба Консорциума, только старый знак личного доступа.

— Это мой жетон контрактного капитана. Личный, не

служебный.

— Зачем он мне?

Саэлл посмотрел на Дариуса, потом на ардинского наблюдателя.

— Служебные каналы Вейрана уже слушает не только Вейран. А личный жетон ещё помнит то, что я сам не успел стереть.

— Говорите яснее.

Он шагнул ближе. Дариус поднял руку, но Ария не отступила.

Саэлл сказал почти шёпотом:

— Солар Иксон уже идёт впереди вас.

У Арии похолодели пальцы.

— К Порогу?

— Не к координате. К маршруту, который координатой не считается. Его называли последним маршрутом Омбриса. Мы думали, это страх старых торговцев. Потом Солар выкупил три архива и велел нам забыть, что покупка была.

— Почему вы говорите это сейчас?

Саэлл посмотрел через стекло шлюза на свой повреждённый крейсер.

— Потому что мой корабль только что висел в тени, а вы могли оставить нас там. Я вейранец, не святой. Но я умею считать долг, когда он падает мне на голову вместе с обломками.

Ардинский наблюдатель фыркнул.

— Нравственное пробуждение после удара железом.

— Железо часто объясняет быстрее философии, — ответил Саэлл.

Ария взяла жетон. Металл оказался тёплым. На поверхности проступили слабые линии, похожие на маршрутную сетку.

Дариус наклонился к ней.

— Не активируй здесь.

— Я и не собиралась.

Жетон нагрелся сам. Линии вспыхнули, сканеры у шлюза пискнули и потеряли слой. На стенном экране появилась карта Омбриса. Обычные маршруты были серыми. Один путь шёл поперёк них, через слепую зону старого кольца, где официально не существовало прохода.

Лира подключилась по аварийному каналу.

— Это не из наших карт.

— Из чьих? — спросил Дариус.

— Вот в этом вся радость. Ни из чьих.

Саэлл смотрел на маршрут так, будто увидел его впервые.

— Значит, жетон всё-таки помнил.

Ария не отрывала взгляда от линии. Путь обходил повреждённые дуги и вёл туда, куда чёрное поле Порога пока не давало координат.

Маршрут мигнул и оставил короткую подпись старым кодом Омбриса.

Последний проход открыт для того, кто не заявлен вла-

дельцем.

Глава 7. Серый сигнал

Серый сигнал пришёл через восемь минут после того, как жетон Саэлла Ронта показал последний маршрут Омбриса. Дариус ещё не решил, что опаснее: неучтённый путь или подпись к нему — «для того, кто не заявлен владельцем». В нормальном штабе такую фразу отправили бы в архив до особого совещания. На флагмане Коалиции Пяти её вывели на три экрана, и теперь все делали вид, что не смотрят туда слишком часто.

Рубка работала в режиме частичного восстановления. Техники меняли сгоревшие блоки, у навигационного стола спорили Лира и орденский навигатор, Ария держала связь с Омбрисом и пыталась не допустить, чтобы спасение вейранского крейсера стало поводом для новой ссоры. Дариус стоял у тактической панели и проверял строй. Флот вытягивался из повреждённого узла медленно, осторожно, с той обидной неторопливостью, которая бывает у машин после хорошего удара.

— Передняя дуга держит дистанцию, — доложил оператор. — Хвост просит ещё три минуты. Ардинские проводники говорят, что мы мешаем им красиво лететь.

— Передайте, что красота не входит в план операции.

Рен тут же вышел в канал.

— Кто это сказал? Дариус, если это ты, я разочарован.

Красота всегда входит в план. Просто Люмира плохо её согласует.

— Люмира согласует то, что потом не взрывается.

— Поэтому у вас такие скучные праздники.

Дариус хотел ответить, но панель перед ним мигнула серым. Серым. Цвета для такого уровня тревоги в флагманской системе вообще не было.

— Источник? — спросил он.

Оператор застыл на секунду.

— Не определяется. Сигнал прошёл мимо фильтров.

— Чей код?

— Не люмирский. Не вейранский. Не ардинский.

Лира повернулась от навигационного стола.

— Если он сейчас окажется орденским, я лично напишу им учебник «Как не быть загадочным при аварии».

Орденский навигатор спокойно ответил:

— Это не наш код.

— Жаль. Учебник уже почти готов.

Серая метка расплзлась по тактическому слою. В груди поднялось знакомое давление: команду нельзя было опоздать отдать.

— Закрывать внешний контур связи. Все корабли на подтверждение вручную.

— Выполняю.

Оператор не успел закончить. На экране вспыхнула строка.

Готовность владельца подтверждена.

Несколько автопилотов в хвосте конвоя вышли из строя связи. Не отключились, а перестали слушать экипажи. Ардинский проводник резко ушёл с линии. Люмирский малый крейсер начал перестроение к центру, будто собирался защищать флагман от своих же союзников.

— Автопилоты перехвачены! — сорвалось у оператора.

— Какие корабли?

— Семь отметок. Нет, девять. Один вейранский модуль, два ардинских проводника, три люмирских судна, орденский транспорт и два ремонтных катера.

— Ручное управление всем. Общий канал не открывать. Паника нам сейчас не нужна.

Люмирский офицер у боковой панели набирал приказ.

— Нужно объявить серую тревогу по конвою.

— Серой тревоги не существует.

— Теперь существует.

— Вот именно поэтому не объявлять.

Дариус включил командный контур.

— Всем кораблям с потерей автопилота: переход на ручное управление. Подтверждение голосом капитана. Без голосового подтверждения флагман считает корабль захваченным и режет маяк.

Рен ворвался в закрытый канал.

— Один мой проводник уходит к внешней дуге. Если ты срежешь ему маяк, он ударится о кольцевой мусор.

— Если не срежу, он протаранит орденский транспорт.

— Дай мне его канал.

— Даю двадцать секунд.

— Щедрость Люмиры потрясает.

— Девятнадцать.

Рен исчез из канала. Через несколько секунд ардинский проводник резко дёрнулся и выровнялся. Дариус увидел на схеме ручной захват.

— Один вернулся, — доложил оператор.

— Рен?

— Он матерится и требует записать, что спас корабль без люмирской поэзии.

— Запишите как технический успех.

На другом краю схемы люмирский малый крейсер продолжал перестроение. Его курс вёл прямо к флагману. Не на удар, скорее на защитную позицию, но без приказа это было так же плохо.

— Связь с «Латиром»?

— Капитан отвечает, но рулевое не слушается.

Голос капитана прорвался через помехи:

— Флагман, у нас управление заблокировано. Автопилот требует подтвердить владельца.

— Не подтверждать, — сказал Дариус. — Переведите гра-
вимоторы на аварийное питание.

— Он не даёт.

Лира быстро подошла к тактической панели.

— Сигнал идёт не по обычной сетке. Он использует старые сервисные жилы флагамена как маяк.

— То есть источник у нас?

— Или через нас.

Дариус повернулся к начальнику охраны.

— Абордажная группа к узлу связи. Полный изолирующий комплект. Инженера взять живого, если найдёте, терминал — тоже живым, если у него появятся чувства.

— Понял, — ответил начальник охраны и уже бежал к выходу.

Ария подошла к Дариусу. Она не вмешалась в команды, только посмотрела на серую строку.

— Это Порог?

— Пока это сигнал.

— Дариус.

— Я знаю, как звучит «пока».

Она кивнула. Лицо у неё было спокойным, но Дариус видел, как она держит ладонь у края стола, не касаясь металла. После пяти долей резерва любой контакт с системами мог стоить ей новой памяти.

На экране возникла строка.

Владелец задерживается. Подготовить временное управление.

— Вот теперь мне нравится ещё меньше, — сказала Лира.

— Что делает сигнал? — спросила Ария.

— Перестраивает конвой, — ответил Дариус. — Сводит

корабли к флагману. Если продолжит, мы получим красивую пробку вокруг одного очень важного трупa.

— Образно.

— Я стараюсь быть убедительным.

Оператор доложил:

— Вейранский модуль открыл свой ремонтный контур.

Он говорит, что готов помочь с фильтрацией серого сигнала.

— Нет, — сказал Дариус.

Лира одновременно сказала:

— Даже не думайте.

Ария посмотрела на обоих.

— Единство растёт.

— От ужаса, — ответила Лира. — Но растёт.

Серый сигнал ударил сильнее. Орденский транспорт пошёл вниз, к зоне обломков. В рубке разом поднялись голоса, но Дариус отсёк лишние каналы.

— Флагман, тягу на три процента вправо. Закрывать ему путь корпусом.

Люмирский офицер побледнел.

— Корпусом?

— Щитом. Слово «корпусом» оставьте для отчётов, они любят драму.

Флагман сместился. Орденский транспорт коснулся внешнего щита, его развернуло и бросило обратно в строй. В рубке раздался глухой удар. Несколько панелей мигнули.

— Щит просел до семидесяти.

— Держать.

Связь с abordажной группой открылась на внутреннем канале. Начальник охраны дышал часто, за его спиной гремели шаги по техническому коридору.

— Идём к узлу. Дверь третьего сектора заблокирована.

— Взлом?

— Не наш. Старый синенский замок.

Ария подняла голову.

— Там не должно быть синенского замка.

— Вот он тоже так думал, пока не закрылся, — сказал начальник охраны.

Лира была у отдельной консоли.

— Дайте мне замок на экран.

На боковом слое появился узор старого допуска. Лира взглянула на него и поморщилась.

— У них даже аварийные замки выглядят так, будто хотят получить наследство.

Ария тихо сказала:

— Я могу открыть.

Дариус повернулся к ней.

— Нет.

— Если группа застрянет, сигнал продолжит перестройку.

— Если система слишком охотно примет твой голос, мы не узнаем, кто кого открыл.

Она задержала взгляд. Спор в рубке длился меньше секунды, но все, кто стоял рядом, почувствовали его вес.

— Дайте мне замок, — сказала Ария.

— Ария.

— Я не войду в контур. Только голосовой отпечаток на внешний слой.

Дариус хотел отказать. Очень хотел. Но орденский транспорт уходил с линии, вейранский модуль просился к фильмам, а «Латир» разворачивался так, будто собирался встать между Арией и всем флотом.

— Лира, ограничитель.

— Уже ставлю. Если система потянет глубже, я ударю по каналу.

— Чем?

— Тем, что будет под рукой. Сейчас это очень дорогой терминал.

Ария подошла к боковому микрофону. Не к командному, а к техническому. Правильно. Меньше веса, меньше власти. Она вдохнула.

— Открыть внешний доступ узла связи. Подтверждает Ария Целестина, носительница доступа без права владения.

На экране старый замок вспыхнул. Дверь в техническом секторе открылась сразу. Слишком быстро. Даже Лира не успела закончить защитный контур.

В рубке стало тихо.

— Вот это мне не нравится, — сказал Дариус.

Ария убрала руку от микрофона.

— Мне тоже.

Серый сигнал на миг ослаб, словно прислушался к её голосу. Потом на центральной панели появилась новая строка. Носительница принята. Право владения уточнить.

Дариус почувствовал, как злость перешла в холодную ясность.

— Всем системам: голос Арии больше не использовать без моего приказа.

Люмирский офицер посмотрел на него.

— Без вашего?

— Да. Запишите красиво. Генерал Харран временно за-
прещает древней системе быть слишком любезной.

Ли́ра резко выдохнула.

— Я бы утвердила такую формулировку.

Начальник охраны вышел на связь.

— Дверь открыта. Входим.

На экране с его камеры появился узкий технический коридор. Там не было людей. Свет мигал с опозданием. В конце коридора стоял терминал связи. Маленький, чёрный, без опознавательных знаков. Он выглядел так, будто его забыли там ещё до постройки нынешнего корабля.

— Видим терминал, — сказал начальник охраны. — Охраны нет. Следов взлома нет.

— Не трогать руками, — сказала Ли́ра.

— Мы в изолирующих перчатках.

— Я сказала не трогать руками. Про перчатки терминал может иметь своё мнение.

Начальник охраны подал знак инженеру. Тот выдвинул зонд. Терминал ожил без вспышки, открыл тёмный экран.

Серый сигнал усилился. Один из ремонтных катеров сорвался с линии.

— Катер уходит! — доложил оператор.

— Ручной захват.

— Экипаж не отвечает.

— Отрезать автопилот от маяка, — приказал Дариус.

— Они потеряют ориентацию.

— На три секунды. Потом Рен даст им боковой маяк.

Рен, который слушал канал, выругался.

— Ты хотя бы спрашивай, прежде чем назначать мои корабли чудом.

— Ты бы согласился.

— Конечно. Но я люблю делать это с видом свободного человека.

— Делай.

Ардинский маяк включился, катер мотнуло и вернуло в строй. Дариус не ответил. Не время. Но запомнил.

— Терминал активен, — сказал начальник охраны. — На нём строка.

— Читать, — приказал Дариус.

Инженер приблизил камеру. На экране терминала проступали старые синенские символы, но перевод шёл через фламанский слой сам, без запроса. Это было дурным знаком.

Протокол ожидания владельца. Статус: пробуждён.

Ли́ра прошептала:

— Он не пришёл снару́жи.

— Что?

— Это не закладка Вейрана. Не шпионский модуль. Протокол был в структуре флага́мана. Спал до близости Порога.

Ария стояла рядом с Дариусом. Он видел, как она смотрит на строку. В её лице не было удивления. Скорее горькое узнавание: Дом Синен оставил дверь там, где все думали о стене.

— Можно отключить? — спросил Дариус.

Ли́ра не ответила сразу.

— Можно вырвать физически. Но если он связан с маячной жилой, мы потеряем часть навигации.

— Часть какая?

— Та, которая ведёт нас по последнему маршруту Омбри-са.

Дариус тихо выругался.

— Протокол удобен, как все древние кошмары.

На терминале появилась новая строка.

Конвой не выстроен. Носители доступа разделены. Владелец задерживается.

Оператор поднял голову.

— Серый сигнал идёт по кораблям сильнее. Он пытается собрать носителей доступа ближе к фла́гману.

— То есть строит клетку вокруг Арии, — сказал Дариус.

— Или трон, — сказала Ли́ра.

Ария резко посмотрела на неё.

— Спасибо за вариант.

— Я выбираю неприятные слова, чтобы приятные нас не убили.

Дариус принял решение.

— Начальник охраны, физическое отключение не проводить. Изолировать терминал локальным экраном. Инженер — снять копию сигнала без подключения к общей сети.

— Если он начнёт говорить?

— Не отвечать.

— Даже если попросит пароль?

Лира вмешалась:

— Особенно если попросит вежливо.

В рубке слабо рассмеялись. Смех оборвался, когда терминал заговорил.

Голос пошёл не через динамик, а через корабельную систему. Он не был мужским или женским, молодым или старым. Он звучал так, будто речь собрали из архивных правил.

— Носительница доступа обнаружена. Право владения не подтверждено. Замена не назначена.

Ария побледнела. Дариус шагнул ближе к командному столу.

— Отключить звук.

— Не получается, — сказал оператор. — Он идёт через внутренний слой корпуса.

— Прекрасно, — сказала Лира. — Теперь наш корабль

разговаривает стенами.

Голос продолжил:

— Коалиция нестабильна. Фракционные контуры расходятся. Риск свободного решения превышает допустимый предел.

Дариус посмотрел на Арию. Она тоже услышала главное. Стабильность выше личной воли. Только здесь это звучало ещё древнее, а значит, опаснее.

— Кто задал допустимый предел? — спросила Ария.

Дариус хотел остановить её, но не успел.

Голос ответил сразу:

— Старший Свод. Дом Синен. Протокол хранения.

— Дом Синен ошибся, — сказала Ария.

На всех экранах прошла помеха. Автопилоты на двух кораблях дрогнули. Дариус резко поднял руку.

— Ария, не спорь с ним голосом.

— Он говорит от имени моего Дома.

— Вот именно.

Она сжала губы, но отступила от микрофона. Дариус увидел, чего ей это стоило. Не из гордости. Из вины.

— Лира, можно запереть его на пустой контур?

— Если дать ему ложный маяк.

— Что будет с ложным маяком?

— Он решит, что там флот, и начнёт перестраивать его.

— У нас есть пустой участок?

— Вейранский мусорный буфер после Омбриса.

Рен подключился:

— Мне нравится план, где древняя имперская железка командует мусором Вейрана.

— Согласовано, — сказал Дариус. — Лира, делай.

— Уже. Тарр прислал мне фильтр после подделки голоса. Я не люблю признавать чужую полезность, но он молодец.

Серый сигнал начал уходить с боевого слоя. Люмирский крейсер «Латир» перестал тянуться к флагману. Орденский транспорт выровнялся. Лира отправила ему технически грамотный ответ, после которого оператор покраснел.

— Серый сигнал падает, — доложил он. — Девять процентов. Четыре. Один.

— Источник?

— Терминал в локальном экране. Но он ещё активен.

На камере абордажной группы чёрный терминал стоял в кольце защитного поля. Экран на нём погас, потом включился. Теперь на нём не было древних символов. Только одна строка, на общем языке флагмана.

Владелец задерживается. Подготовить замену.

Никто в рубке не заговорил. Люмира хотела изолировать Арию из страха перед владельцем. Разные языки, один и тот же узел на горле.

Ария подошла ближе к экрану. Голос её был тихим, но ровным.

— Я не буду владельцем.

Терминал не ответил. Локальный экран держал его в пле-

ну, но Дариус понимал: это была не победа, а задержка. Протокол проснулся, и теперь он знал голос Арии.

Дариус выключил общий канал рубки и отдал последний приказ только внутреннему штабу:

— Терминал не уничтожать. Изолировать. Все записи сохранить без правки. И найдите мне каждого человека, который за последние сутки имел доступ к старым синенским жилам флагмана.

Лира посмотрела на него.

— Ты думаешь, ему помогли?

— Я думаю, что древние протоколы редко просыпаются вовремя без чужого будильника.

На экране терминал мигнул ещё раз, будто услышал. Строка не изменилась. Она стала ярче.

Владелец задерживается. Подготовить замену.

Глава 8. Узел, который помнит всех

Последний маршрут Омбриса открылся не сразу. Жетон Саэлла Ронта лежал в защитном гнезде у навигационного стола и грелся так, словно внутри него работало маленькое гравиядро. На карте серые линии старых переходов гасли одна за другой, а единственный путь через слепую зону держался упрямо и тихо.

Ария смотрела на него с мостика флагмана. После серого сигнала рубка стала ещё осторожнее. Люди говорили меньше, чаще проверяли закрытые каналы и старались не произносить слово «владелец» без нужды. От этого слово стало только тяжелее.

— Маршрут не похож на кольцепуть, — сказал Дариус.

— Он и не должен быть похож, — ответила Лира из исследовательского отсека. — Судя по жетону, это не путь через Омбрис. Это след от старого права прохода. Очень старого, очень неприятного и, конечно, записанного так, будто все вокруг обязаны были понять без инструкции.

— Лира, коротко.

— Можно идти. Нельзя врать маршруту.

Рен вышел на общий канал.

— Прекрасно. Мы летим по дороге, которая обижается на ложь. Передайте ей, что Вейран с нами только частично.

Вейранский капитан Саэлл Ронт, ещё подключённый как

временный проводник по своему жетону, ответил с заметной усталостью:

— Консорциум не обязан реагировать на каждую ардинскую поэзию.

— А жаль, — сказал Рен. — Тогда мы бы быстро нашли слабые места ваших контрактов.

Ария не дала спору вырасти.

— Всем кораблям: флотская немота. Входим по одному маяку. Любая попытка перехватить управление считается угрозой проходу.

Сайра Рут ответила с люмирского крейсера:

— Передняя дуга подтверждает. Но если маршрут начнёт требовать политических признаний, я предлагаю сначала стрелять в жетон.

— Жетон маленький, адмирал, — сказала Лира. — Придётся попасть точно. Это может унижить флот.

— Ваше доверие к нам трогает.

— Я берегу вас от лишней самоуверенности.

Ария услышала в рубке короткий смешок. Он быстро угас, когда флагман вышел на линию прохода. За внешним обзором Омбрис начал исчезать. Не удаляться, а стираться с краёв, будто карта больше не соглашалась держать его рядом. Суда конвоя пошли следом: люмирские крейсера, ардинские проводники, орденские корабли, вейранские модули, синенские корветы. Коалиция Пяти всё ещё выглядела как спор, которому приказали лететь строем.

Потом звёзды погасли.

Не полностью. Они остались где-то за корпусом, но обзорное поле стало чёрным. Приборы не показывали стену, пустоту или кольцевую тень. Они показывали отсутствие ответа. Ария почувствовала, как под кожей отзывается синенский знак. Не жаром, как раньше, а слабым давлением, словно кто-то положил палец на старый шрам.

— Входим в предпороговую зону, — сказала Лира. — И я заранее предупреждаю: если сейчас все начнут видеть важные видения, не принимайте их за инструкции.

— А если это будут инструкции? — спросил Дариус.

— Тогда особенно не принимайте.

Флагман дрогнул. Не от удара, а от смены состояния. На несколько секунд все экраны показали разные вещи. На люми́рском тактическом слое вспыхнули ровные колонны кораблей, чистые маршруты, спокойные города под защитой федеральных куполов. Ария успела заметить лицо молодого офицера у боковой панели. Он смотрел на экран так, будто увидел дом до войны.

Затем на ардинском канале прошёл крик. Рен не отключился вовремя, и в рубку вошёл шум чужой памяти: цепи на доковых воротах, имена вместо номеров, руки людей, которые стирают имперские печати с дверей. Потом связь закрылась.

Вейранские модули сообщили о сбое контрактных систем. Один из операторов Консорциума повторял, что сеть пока-

зывает идеальную модель мира: каждый риск оценён, каждый маршрут застрахован, каждое спасение оплачено заранее. Его голос оборвался на слове «оплачено».

Орденские корабли молчали. Но на их слое появилась белая пустота, в которой не было боли и не было выбора. Только равновесие, чересчур ровное для живых.

Ария увидела Нивендру. Не дворец и не родовой знак. Каменную террасу у старых детских могил. Там лежал браслет с именем, которое когда-то не успели внести в Свод. Потом картинка сменилась «Ларном»: мальчик с маяком стоял у шлюза и сердился на медиков. Порог показывал не славу Синена, а тех, кого можно было потерять из-за правильного расчёта.

— Ария, — сказал Дариус.

Она моргнула. Рубка вернулась. Люди вокруг приходили в себя. Один оператор вытирал кровь из носа, другой смотрел на пустой экран и тихо повторял номер своего корабля.

— Я здесь.

— Зона ударила по памяти.

— Не ударила, — сказала Лира. — Показала приманку. Разница важна, но неприятна.

На карте чёрное поле сжалось в точку. Точка расширилась и стала похожа на зал. Не координату, не станцию, не обычный узел. Скорее место, которое возникло потому, что флот пришёл достаточно близко, а вопрос стал достаточно тяжёлым.

— Предпороговый узел, — сказал орденский навигатор.

— Стыковка? — спросила Ария.

— Нет.

— Тогда как туда попасть?

Лира посмотрела на неё через экран.

— Порог уже строит вход из того, что у нас есть. И мне очень не нравится, как уверенно он это делает.

Через минуту в центральном стыковочном коридоре флагмана открылся проход. Не дверь. Обычная переборка просто перестала вести в соседний отсек. За ней появился длинный зал с чёрным полом и стенами, в которых не отражались люди. Инженеры проверили корпус, шлюзы, давление. Всё было нормальным, кроме главного: такого зала на флагмане не существовало.

Ария собрала представителей быстро. Дариус пришёл от Люмиры, хотя Сайра требовала присутствовать лично. Рен вошёл с ардинским наблюдателем. Саэлл Ронт представлял Вейран, и это уже вызвало три возражения, два официальных и одно почти непечатное от Рена. От Ордена пришёл зритель Эллан. Синенских свидетелей представляла Айлинн Лайвис: спокойная, собранная, с лицом человека, который слишком хорошо помнит дворцы и мало по ним скучает.

— Все вооружены? — спросила Лира, появившись последней с переносным анализатором.

Дариус посмотрел на неё.

— Это твоя проверка безопасности?

— Нет. Просто хочу знать, кто соврал первым.

Рен положил ладонь на рукоять ножа.

— Ардин вооружён памятью.

— Память режет хуже ножа, — сказала Айлинн.

— Синен знает по опыту? — спросил Рен.

Айлинн не отвела взгляда.

— Да.

Ария шагнула в зал первой. Пол под ногами был твёрдым, но казалось, что он не держит вес, а проверяет намерение. За ней вошли остальные. Проход за их спинами не закрылся, но стал дальше. Флагманская переборка ушла на десятки шагов, хотя коридор физически не мог растянуться.

В центре зала стоял стол из чёрного стекла. На нём не было ни знаков, ни кнопок. Когда Ария приблизилась, стекло вспыхнуло четырьмя следами.

Первым поднялось имя. Не буквы, а ощущение Нивендры: пыль на камнях, чужая фамилия в документах, настоящий знак под кожей. Айлинн медленно опустила голову. Рен отвернулся, но не ушёл.

Вторым пришёл голос. В зале слышались последние минуты Карасса. Не громко, без красивого хора. Просто обрывки людей, которые успели понять, что их смерть потом переписут в отчётах. Дариус сжал челюсти. Сайра была далеко, но Ария почему-то подумала именно о ней.

Третьим вспыхнул шифр. Линии Мальзаара прошли по

столу и изменили форму зала. Стены на миг стали похожи на лабиринт, где каждый поворот был не стеной, а ошибкой смысла. Лира тихо сказала:

— Не трогать. Он любит, когда его трогают люди, которые потом жалеют.

Четвёртой пришла клятва. Голос Сабаинара не произнёс слов, но все почувствовали тяжесть добровольной цены. Вейранский капитан опустил глаза. Рен сжал кулак. Даже Эллан, привыкший к древним мерам, стал бледнее.

Четыре следа соединились вокруг стола. Пятый не появился.

— Порог принимает доступ, — сказал Эллан.

— Принимает четыре доступа, — поправила Лира. — Пятая строка снова пустая.

На стенах зала проявились изображения. Не как видения в проходе, а как расчёты будущего, показанные слишком живо.

Люмира увидела комитет у Порога. Дариус стоял рядом с людьми в серых формах, Ария сидела за защитным экраном, а документы называли это временной мерой. В городах было спокойно, но на каждом узле висел знак допуска.

Рен увидел другой вариант. Ардин взрывал путь к Порогу. Старый Свод рушился, флагманы уходили в тень, миры без трона пели имена погибших. Потом погасли окраинные кольца, и песни стали тише, потому что голод плохо держит ритм.

Вейранский вариант выглядел почти чистым. Маршруты открыты, щиты стоят, эвакуация идёт быстро. На нижнем слое каждого спасения мерцал контракт. Саэлл Ронт смотрел на эту стену так, будто узнавал родной дом и не хотел признаваться, что ему там стыдно.

Орден увидел белую блокаду. Порог закрыт, доступы спрятаны, Артексилловые потоки выровнены. Миры выживают дольше, но каждый новый сбой хоронят под запретом, пока запреты не становятся крепче стен.

Последней Ария увидела Империю Синен без прежней крови. Красивую, исправленную, почти добрую. Открытые маршруты. Возвращённые имена. Голоссеть без подделок. Люди благодарят не императрицу, а хранительницу. Именно поэтому видение было опасным. Оно не пахло тиранией. Оно пахло усталым облегчением.

— Достаточно, — сказала Ария.

Стены погасли.

Саэлл первым нарушил тишину.

— Вейран предлагает управляемый доступ. Не владение. Операторский контур с ограничением срока и внешним аудитом.

Рен усмехнулся.

— Вы даже Порог хотите обслуживать по подписке.

— А вы хотите взорвать то, что не можете контролировать.

— Лучше пепел, чем новый хозяин.

Дариус вмешался до того, как спор перешёл в крик.

— Люмира предлагает временный комитет безопасности.

С участием всех фракций.

Рен резко повернулся к нему.

— Временный комитет — это тюрьма, которая ещё не выбрала цвет стен.

— А взрыв — свобода, которая не умеет кормить детей.

— Довольно, — сказала Ария.

Эллан выступил вперёд.

— Орден считает, что Порог должен быть закрыт до завершения полной меры. Любое открытие сейчас создаст владельца.

Лира подняла анализатор.

— Полной меры у вас нет. Есть куски и привычка молчать.

— Привычка молчать спасла миры не один раз.

— И не один раз оставила их без права понять, от чего их спасали.

Айлинн Лайвис долго не говорила. Когда она всё-таки шагнула к столу, зал будто стал внимательнее.

— Дом Синен не имеет права требовать возвращения, — сказала она. — Но старый Свод написан нашим языком. Если его сейчас возьмёт комитет, контракт или взрыв, он ответит тем же насилием, только в другой форме.

Рен посмотрел на неё тяжело.

— Удобно вспомнить вину, когда власть уже ускользнула.

— Поздно вспомнить лучше, чем снова назвать её правом.

Ария слушала их и понимала: все были правы ровно настолько, чтобы стать опасными. Люмира боялась хаоса. Ардин боялся цепей. Вейран боялся неэффективного спасения, потому что в его мире всё должно было работать, даже совесть. Орден боялся слова, которое не сможет вернуть назад. Синен боялся собственной тени, но всё ещё говорил языком старого доступа.

Порог не выбирал между ними. Порог ждал владельца.

На столе появилась строка. Не древняя, не торжественная. Простая, почти юридическая.

Укажите субъекта окончательного права.

— Вот и вся поэзия, — сказала Лира. — Юридический бланк в центре мироздания.

— Субъект права, — повторил Саэлл. — Значит, можно указать контур.

— Вейран сразу ожил, — сказал Рен.

Дариус не сводил глаз со строки.

— Можно указать комитет.

— Вот и Люмира села рядом, — добавил Рен.

Эллан сказал:

— Можно не указывать. Закрывать вопрос.

Лира повернулась к нему.

— И оставить старый протокол ждать следующего умника.

Все посмотрели на Арию. Она почувствовала это не как взгляд, а как вес. Не просьбу стать правительницей, а же-

вание всех остальных решить через неё невозможное. Передать власть. Отнять власть. Удержать власть. Спрятать власть. Никто не предлагал жить без неё.

— Я не назову себя владелицей, — сказала Ария.

Строка не погасла.

— Порог требует ответ, — сказал Саэлл. — Отказ не является структурой управления.

— Спасибо, Вейран. Без вас мы бы не догадались, что свобода плохо оформлена.

— Рен, — тихо сказал Дариус.

Ария подошла ближе к столу. Под стеклом вспыхнули четыре следа. Имя тянуло к крови. Голос — к мёртвым. Шифр — к знанию. Клятва — к цене. Пятый след всё ещё был пуст.

— Если старый Свод требует владельца, — сказала Ария, — значит, старый Свод уже ошибается.

Стол дрогнул. На стенах снова мелькнули варианты будущего, но теперь быстрее. Комитет. Взрыв. Контракт. Запрет. Исправленная Империя. Все дороги пытались стать единственной.

— Порог не просит корону, — сказала Лира тихо. — Он просит поле в форме.

— Поля тоже убивают, если их заполнить неправильно, — ответил Дариус.

На строке появились первые символы. Сначала они были смазаны, затем сложились в букву. Ария не сразу поняла, что видит. Айлинн поняла раньше и резко вдохнула.

— Остановите, — сказал Рен.

— Это не мы, — ответила Лира.

Вторая буква возникла сама. Потом третья. Строка больше не ждала. Она начала заполняться именем, которое Порог считал ближайшим ответом.

АРИЯ ЦЕЛЕСТИНА СИНЕН.

Дариус шагнул к столу.

— Ария, отойди.

Она не двинулась. Если отойти, строка не исчезнет. Если коснуться, может стать хуже. Впервые за долгое время Ария не знала, какое действие правильное, а какое просто выглядит смелым.

Рен вытащил нож на палец из ножен, не для удара, а как напоминание самому себе. Саэлл побледнел. Эллан закрыл глаза и начал шептать формулу запрета. Лира ударила по анализатору ладонью.

— Нет, древняя железка, так мы не договаривались.

Строка дошла до фамилии и остановилась на последней букве. Зал стал тихим. В этой тишине не было мира. В ней было ожидание подписи.

Ария положила ладонь на край чёрного стекла, но не на строку.

— Моё имя не будет вашим ответом, — сказала она.

Порог не возразил. Он только сделал буквы ярче.

АРИЯ ЦЕЛЕСТИНА СИНЕН.

Часть II. Теон и ошибка рода

Глава 9. Запороговая запись

Представители фракций ушли из предпорогового зала не сразу. Никто не хотел первым повернуться спиной к строке, где всё ещё горело имя Арии. Дариус пытался увести её взглядом, Рен стоял у выхода с таким лицом, будто держал в руке невидимый активатор, Саэлл Ронт считал что-то на личном браслете и выглядел старше, чем у стыковочного шлюза. Эллан молчал. Айлинн Лайвис смотрела не на имя, а на сам чёрный стол, и Ария поняла: синенская стратегия видит здесь не чудо, а старую ошибку, которую слишком хорошо знает.

— Все записи забрать в защищённый контур, — сказал Дариус. — Доступ только через тройное подтверждение.

— Записи не забираются, — ответила Лира. Она стояла у стола с анализатором и злилась на прибор так, будто он лично предал науку. — Они остаются здесь. Мы забираем копии, и то если зал не решит, что мы недостойны.

— Зал теперь имеет мнение?

— У него уже есть плохая привычка заполнять документы без спроса. Мнение — следующий шаг.

Ария коснулась края стола. Буквы её имени вспыхнули

сильнее. Она сразу убрала руку.

Дариус заметил.

— Пойдём.

— Через минуту.

— Ария.

— Мне нужна минута без совета, протоколов и людей, которые пытаются спасти меня от меня же.

Рен коротко усмехнулся.

— Звучит как просьба, которую Ардин почти уважает.

— Почти? — спросила Ария.

— Мы уважаем, но оставляем наблюдателя за дверью. Свобода свободой, а глупость часто приходит одна.

Дариус не улыбнулся. Он подошёл ближе и сказал уже тише:

— Если зал снова начнёт писать твоё имя, зови сразу.

— Позову.

— Не после того, как решишь разобраться сама.

Она посмотрела на него. После люмирского приказа, о котором он ещё не сказал всё, между ними стоял не разрыв, а незакрытая дверь. Ария видела её и не знала, кто первым должен войти.

— Сразу, — повторила она.

Дариус кивнул и ушёл последним. Проход за представителями фракций не закрылся, но отдалился. Флагманская переборка снова стала почти настоящей, только слишком тёмной по краям. Ария осталась одна у чёрного стола.

Тишина в зале была странной. В ней не гудели корабельные системы, не трещал аварийный свет, не шептались техники. Но это не была пустота. Скорее пауза перед ответом, который уже записан и ждёт, когда его прочтут.

На столе ещё держалась строка:

АРИЯ ЦЕЛЕСТИНА СИНЕН.

Ария смотрела на фамилию дольше, чем хотела. Синен. Имя, которое однажды вернуло ей прошлое и тут же отняло право быть обычной. Имя, за которое одни готовы были поклониться, другие — выстрелить, третьи — оформить комиссию.

— Это не ответ, — сказала она.

Строка не погасла. Ария выдохнула и повторила уже жёстче:

— Моё имя не будет владельцем.

Никакой реакции. Только слабый круг света прошёл под стеклом и исчез.

— Тогда чего ты ждёшь?

Зал ответил не словами. В глубине стола появилась маленькая точка. Она была тусклой, почти серой, потом вытянулась в линию и сложилась в синенский знак доменной памяти. Ария узнала его по старым архивам Нивендры. Этот знак ставили не на приказах, а на записях, которые предназначались потомкам, если живых свидетелей уже не останется.

Свет поднялся над столом. Сначала он был похож на помеху Голоссети. Потом в нём проступила фигура мужчины.

Не тело. Не голограмма в обычном смысле. Черты лица собирались рывками, иногда запаздывали за движением, а плечи распадались на шум, когда он поворачивался.

Теон Синен.

Ария не шагнула назад. Очень хотелось, но она не дала себе этого. Она видела его записи раньше. Слышала его голос. Знала его вину в виде документов, обломков и чужих рассказов. Но здесь след смотрел на неё так, будто тоже пытался узнать.

— Ария, — сказал он.

Голос пришёл с задержкой. Сначала открылись губы, потом зал донёс звук. В этом запаздывании было что-то страшнее смерти: память работала плохо, но всё равно работала.

— Это запись? — спросила она.

Теон молчал несколько секунд. Шум прошёл через его лицо, стер глаза, вернул их.

— Запороговый след. Часть домовой памяти. Ответ, который остался, когда человек уже не может ответить.

— Значит, запись.

— Хуже. Запись повторяет. След помнит ошибками.

Ария усмехнулась без радости.

— Очень синенское утешение.

— Да.

Его согласие сбило её сильнее, чем оправдание. Она готовилась к старой высокой речи, к словам о долге, о вынужденных решениях, о тяжести власти. Теон сказал коротко,

почти устало, и стал похож не на императора, а на человека, который поздно научился называть вещи своими именами.

Ария обошла стол. След Теона повернулся за ней с опозданием.

— Ты знал, что меня вывезут?

Помеха прошла по его лицу. Ответ пришёл не сразу.

— Я знал, что тебя могут спасти только те, кому я не доверял.

— Это не ответ.

— Это был мой ответ тогда. Плохой.

— Ты знал?

Теон опустил голову. На миг его фигура стала прозрачной, и Ария увидела сквозь него чёрное стекло.

— Да.

Слово не было громким. Оно просто упало между ними. Ария почувствовала, как внутри поднимается злость, старая и новая сразу. Её жизнь под чужим именем, разрыв памяти, чужие документы, лица людей, которые смотрели на неё с опаской ещё до того, как она знала причину.

— Ты разрешил?

— Я не остановил.

— Удобная разница.

— Нет. Бесполезная.

Ария сжала пальцы. Ей хотелось ударить по столу, но она уже знала, как охотно Порог реагирует на её жесты. Пришлось держать руки при себе.

— Почему? Не про политику. Не про Дом. Почему отец позволяет вывезти ребёнка и стереть ей жизнь?

Теон поднял глаза. Снова задержка. Снова повреждённая память, которая всё равно находит боль.

— Потому что я боялся, что рядом со мной у тебя не будет жизни. Только роль.

— А вдали от тебя у меня была роль без правды.

— Да.

— Ты говоришь так, будто признание что-то чинит.

— Оно ничего не чинит.

— Тогда зачем ты здесь?

— Чтобы ты не взяла нашу вину за свою.

Ария отвернулась. На стене зала проступила Нивендра: не настоящая, а собранная из памяти. Камень, серый свет, старый коридор, где когда-то хранились детские браслеты. Потом картина исчезла.

— Дом Синен называл хранение правом, — сказала она.

— Почему?

— Сначала мы называли его долгом.

— А потом?

— Потом решили, что долг нельзя выполнить, если тебе могут помешать.

Стол дрогнул. Перед Арией открылся первый фрагмент прошлого.

Зал был другим. Светлым, высоким, с рядами сидений и живыми людьми в одежде Дома Синен. Не имперская пыш-

ность, а рабочий совет: усталые лица, документы, голоса, спор. В центре стоял молодой Теон. Ария узнала его не сразу. Он выглядел жестче, чем след, и гораздо увереннее.

На стенах висели карты миров после очередной войны. Голоссеть показывала очаги паники. В одном секторе ложный слух о заражении вызвал резню на станции. В другом система отказалась открывать кольцо беженцам, потому что местный совет не согласовал риск. У третьей карты люди требовали стереть память о преступлении, чтобы дети не росли в ненависти.

— Если мы оставим память свободной, она снова станет оружием, — говорил старший хранитель. — Миры не выдержат правды сразу.

— Значит, мы будем решать, какую правду они выдержат? — спросил молодой Теон.

— Мы уже решаем. Просто делаем вид, что это временно.

Ария смотрела, как советники спорят не о власти. Во всяком случае, не сначала. Они спорили о бунтах, о войнах памяти, о том, как остановить новые убийства. Один синенский свидетель показывал запись с погибшего узла. Женщина у стены плакала беззвучно, потому что на записи был её сын.

— Если открыть все архивы, — сказала она, — они начнут мстить. Если закрыть, они скажут, что мы украли мёртвых.

— Они уже говорят, — ответил другой.

Молодой Теон стоял молча. Потом произнёс:

— Мы не можем каждый раз просить миры согласиться с тем, что они ещё не понимают. Нужно временное управление памятью. До стабилизации.

Ария почувствовала, как зал вокруг неё стал холоднее.

— До стабилизации, — повторила она.

След Теона рядом с ней сказал:

— Самая опасная фраза нашего Дома. Всё страшное начиналось как временное.

Фрагмент продолжился. Совет голосовал. Не торжественно, не с фанатичным блеском. Усталые люди нажимали знаки согласия, потому что боялись новых смертей. На стене появилась первая формула: хранители получают право закрывать части Голоссети, изменять порядок доступа к архивам, задерживать публикацию памяти погибших миров до снятия угрозы.

— Они хотели остановить войну, — сказала Ария.

— Да.

— И поэтому решили управлять тем, что должны были хранить.

— Да.

— Преступление началось со страха.

— С хорошего страха, — сказал Теон. — Это хуже. Жадность легче увидеть. Страх можно назвать заботой.

Фрагмент погас. Ария снова стояла в чёрном зале. След Теона мерцал перед ней.

— Ты был против? — спросила она.

Теон долго молчал. Ария уже поняла ответ, но заставила себя дожидаться.

— Сначала. Потом я подписал.

— Почему?

— Потому что мне показали расчёт: без закрытия памяти три сектора сорвутся в войну за семь месяцев. С закрытием — шанс удержать миры.

— И ты поверил расчёту.

— Я хотел поверить. Это разные вещи, но тогда я сделал вид, что нет.

Ария подошла ближе. Ей хотелось увидеть в его лице ложь. Было бы проще. Ложь можно отвергнуть. Вина, которая не защищается, оставляет человека один на один с тем, что он унаследовал.

— Сколько длилось временное управление?

— Двести одиннадцать лет до первой отмены. Потом вернули. Потом расширили. Потом Дом Синен уже не спрашивал себя, где хранение, а где правление.

— И ты называешь это ошибкой рода?

— Нет. Ошибка — слишком мягкое слово. Но если сказать «преступление», многие решат, что достаточно наказать виновных. Наша вина глубже. Мы создали привычку мира ждать владельца.

Ария почувствовала, как строка её имени на столе вспыхнула за спиной.

— Порог поэтому требует владельца?

— Порог требует то, чему мы его научили.

— Мы?

— Дом Синен. Я. Те, кто был до меня. Те, кто молчал рядом.

— И ты оставил мне это?

— Я оставил тебе предупреждение. Наследие осталось бы и без меня.

Злость снова поднялась, теперь острее.

— Предупреждение? Ты оставил мне имя, которое система пытается вписать в строку владельца. Ты оставил мне флот, который боится меня. Союзников, которые готовят запасные ножи. Врагов, которые говорят моим голосом. Хорошее предупреждение, отец.

Он вздрогнул на последнем слове. След почти рассыпался. Когда собрался снова, лицо Теона было старше.

— Я не имею права просить тебя называть меня так.

— Верно.

— Но я слышу.

Ария отвернулась. Это было нечестно: даже повреждённый след умел ранить не хуже живого человека.

— Я хотела найти здесь что-то, что объяснит тебя, — сказала она. — Не оправдает. Просто объяснит.

— И нашла?

— Нашла человека, который боялся. Это мало.

— Да.

— Я хотела, чтобы ты был чудовищем. С чудовищами

проще.

— Я знаю.

— Не знаешь. Ты умер до того, как мне пришлось говорить с твоими последствиями.

Теон опустил взгляд.

— След помнит часть этой цены.

— Часть не считается.

— Согласен.

Ария устала от его согласия. Оно не спорило, не защищалось и потому оставляло всю тяжесть ей. Она подошла к столу и посмотрела на четыре следа доступа. Имя, голос, шифр, клятва. Все они вели сюда. Все они были построены на чьей-то цене, и ни одна цена не давала права владеть.

— Что мне делать со строкой владельца?

— Не заполнять её так, как она просит.

— Это я уже поняла.

— Понять мало. Порог будет искать форму. Если ты не дашь ему новую, он возьмёт старую.

— Какую новую?

Теон не ответил. Его лицо задержалось, потом пошло шумом.

— След повреждён.

— Удобно.

— Нет. Опасно. Часть ответа за закрытой дверью памяти.

На дальней стене зала появился прямоугольник. Он был совсем простым: тёмная дверь без знаков, замков и торже-

ственного света. От этого она выглядела настоящей.

Ария посмотрела на неё и сразу почувствовала, что Порог не хочет открывать этот слой случайно. Там не было общего урока для Дома. Там было что-то личное.

— Что за дверью?

Теон повернулся к ней с задержкой.

— Приказ.

— Какой?

— Тот, который начал твоё спасение. И моё падение как отца.

Ария сжала ладони.

— Открой.

— Не могу без твоего согласия.

— Ты же всю жизнь решал за других. Теперь спрашиваешь?

— Именно поэтому.

Она почти рассмеялась, но смех не вышел.

— Что я увижу?

— Решение, которое ты не простишь мне.

— Ты уверен, что осталось что-то хуже?

— Да.

Ответ был слишком быстрым. Впервые запороговый след не запоздал. Ария почувствовала, как внутри стало пусто и холодно.

На столе её имя погасло не полностью, но стало слабее. Вместо него появилась малая строка домовый памяти.

Согласие наследницы требуется для открытия личного приказа Теона Синена.

— Не называй меня наследницей, — сказала Ария.

Строка дрогнула, словно услышала. Слово изменилось.

Согласие Арии требуется для открытия личного приказа Теона Синена.

Она стояла перед дверью и понимала, что могла уйти. Позвать Дариуса. Позвать Лиру, чтобы та обложила дверь приборами и оскорблениями. Позвать Айлинн, потому что синенская свидетельница знала язык таких ловушек. Но тогда этот приказ станет сразу политикой, а сейчас он ещё был болью. Её болью.

— Если я открою, зал покажет это всем? — спросила она.

— Только если ты позволишь.

— Я не позволяю.

— Тогда увидишь одна.

Ария медленно кивнула. Потом остановилась.

— Нет. Я не буду одна. Не так.

Она включила браслет связи. Канал до Дариуса не открылся сразу, будто зал решал, пропускать ли голос наружу. Потом связь всё-таки прошла.

— Ария? — ответил Дариус. — Что случилось?

Она смотрела на дверь.

— Я нашла запись Теона. И дверь памяти. За ней его личный приказ.

Пауза была короткой, но в ней поместился весь их недо-

говорённый разговор.

— Я иду.

— Нет. Пока не входи. Просто будь на канале.

— Ария.

— Пожалуйста.

Он выдохнул.

— Я здесь.

Она оставила канал открытым и посмотрела на Теона.

— Теперь открывай.

След Теона стал бледнее. В его лице на миг появилось то, чего Ария от него ещё не видела: страх перед дочерью, которая наконец получит право судить не легенду, а конкретное решение.

— Хранители стали правителями в день, когда испугались чужого выбора, — сказал он. — Я стал хуже хранителя в день, когда испугался твоего.

Дверь на стене раскрылась без звука. За ней не было света. Только узкий коридор памяти и первый лист приказа, висящий в пустоте.

Теон посмотрел на Арию, и его голос пришёл почти без задержки:

— За ней приказ, который ты не простишь мне.

Глава 10. Дом не равен трону

Слепой архив открылся Лейле не там, где она ожидала. После слов Теона Дариус закрыл предпороговый зал внутренним периметром, а Лейлу вызвала не команда флагмана, а сам архив. На её браслете появилось сообщение без подписи: «Доступ журналистского свидетеля подтверждён».

Лейла посмотрела на экран и сказала Тарру:

— Видишь? Даже древние системы понимают, что без прессы им не прожить.

Тарр стоял рядом с переносным блоком записи и выглядел так, будто его назначили ответственным за чужую катастрофу.

— Или они решили начать с самого опасного человека в помещении.

— Не льсти себе, ты всего лишь инженер связи.

— Я имел в виду вас.

Проход в архив возник в боковом коридоре флагмана. Обычная дверь технического отсека потемнела, пропустила по краю синенский знак и открылась без запроса. За ней была узкая комната с чёрным полом и столом, на котором лежали пустые листы. Настоящие, бумажные, если верить глазам. Лейла не поверила глазам и ткнула в лист сканером.

Сканер выдал: «носитель не определён».

— Бумага, которая не бумага, — сказала Лейла. — День

начинается неплохо.

Тарр заглянул через плечо.

— Для нас или для некролога?

— Для материала.

— Это у вас часто одно и то же.

В комнате уже была Айлинн Лайвис. Она стояла у дальнего края стола, прямая, спокойная, в тёмной форме без знаков власти. Лейла не любила такие лица: за ними обычно прятались хорошие школы или плохие решения.

— Вас тоже позвали? — спросила Лейла.

— Нет. Я знала, куда откроется архив.

— Удобный талант.

— Не талант. Стыд.

Это было сказано просто. Лейла на секунду потеряла готовую колкость.

— Тогда вы знаете, что здесь.

— Часть домовый вины.

— Красивое слово для преступлений.

— Некрасивое слово не делает их понятнее.

Лейла положила блок записи на стол.

— Мне нужен доступ.

Айлинн посмотрела на пустые листы.

— Вам дадут больше, чем вы хотите.

— Это редко бывает проблемой для журналиста.

— Бывает, когда правда выходит в не тот час.

— Любимый аргумент всех, кто хочет поддержать её под

замком.

Айлинн не обиделась. Это раздражало. С людьми, которые не обижаются, сложнее спорить красиво.

— Я не прошу скрыть вину Дома Синен, — сказала она.
— Я прошу не отдавать её тем, кто ждёт повода сорвать поход. Ардин сейчас держится на одной нитке. Люмира готовит сдерживание. Вейран уже подделывает голоса. Плохой документ в хороший момент может убить лучше выстрела.

— А хороший документ в плохой момент?

— Тоже.

Лейла села за стол. Листы шевельнулись, хотя воздуха в комнате не было. Первый лист потемнел, на нём выступили строки. Не летопись побед и не речь хранителей. Жалоба с малой станции. Несколько семей требовали вернуть имена детей, вывезенных после «временного переселения». В конце стояла отметка: «Ответ отложен до снятия риска волнений».

Лейла прочитала дважды. Составитель заботился о порядке строк больше, чем о живых людях.

— Вот как это начинается, — сказала она.

— Нет, — ответила Айлинн. — Так это становится обычным.

Архив выдал следующий лист. Приказ о закрытии маршрута к окраинному миру на время проверки лояльности местного совета. Внизу — приписка: «Поставки сохранить только для административных центров». Ни слова о больни-

цах, фермах, малых поселениях. Они не были отменены. Их просто не внесли в область решения.

Тарр молчал. Эти документы не кричали. Они аккуратно отодвигали людей за край листа.

— Запись идёт? — спросила она.

— Да.

— Дублируй в слепой архив.

— Этот архив и есть слепой.

— Тогда сделай его немного менее одиноким.

Тарр кивнул и подключил блок. Листы не возражали.

Третий документ был о Голоссети. Стереть личные следы погибших клятвенных бойцов, чтобы не допустить по-
смертной агитации на окраинах. Лейла сжала пальцы. Стёр-
тый след убивал повторно: человек исчезал из памяти без
крови и шума.

— Это подписывали хранители? — спросила она.

— Иногда хранители. Иногда администраторы. Иногда
люди, которые потом говорили, что только соблюдали поряд-
док.

— Очень знакомая болезнь.

Айлинн подошла ближе.

— Дом не равен трону, Лейла. В Доме были свидетели, ко-
торые пытались сопротивляться. Были архивисты, которые
прятали имена. Были корабли, выводившие людей вопреки
приказам.

— А трон был?

— Был.

— И документы шли от него?

Айлинн молчала. Ответ был на листах.

Лейла продолжила читать. Приказы о переселениях шли один за другим. Смена названий, закрытие местных архивов, перевод детей в образовательные дома «для защиты от радикализации». Формулировки были почти заботливыми. Зло не обязано рычать. Иногда оно просто ставит печать и просит не мешать специалистам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.